

12+

НИКОЛАЙ ОМЕЛИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Николай Омелин

Возвращение

«Издательские решения»

Омелин Н.

Возвращение / Н. Омелин — «Издательские решения»,

Если первая книга саги, «Савва и Борис», повествовала об основании северной деревни новгородскими вольниками в конце XIV века, то «Возвращение» открывает тайну того, как эта земля обрела свои родовые корни. Далёкие потомки тех новгородцев — пятеро друзей из Великого Устюга — пройдут через горнило великого Раскола, тюремные застенки и пепелища пожаров. Каждый своим путём они вернутся туда, где за три столетия до этого обосновались их родоначальники. Публикуется в авторской редакции.

© Омелин Н.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
7160 лето от сотворения мира/1652 год от Рождества Христова/	6
Глава вторая	25
7161 лето от сотворения мира/1652 год от Рождества Христова/	25
Глава третья	43
7161 лето от сотворения мира/1652 год от Рождества Христова/	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

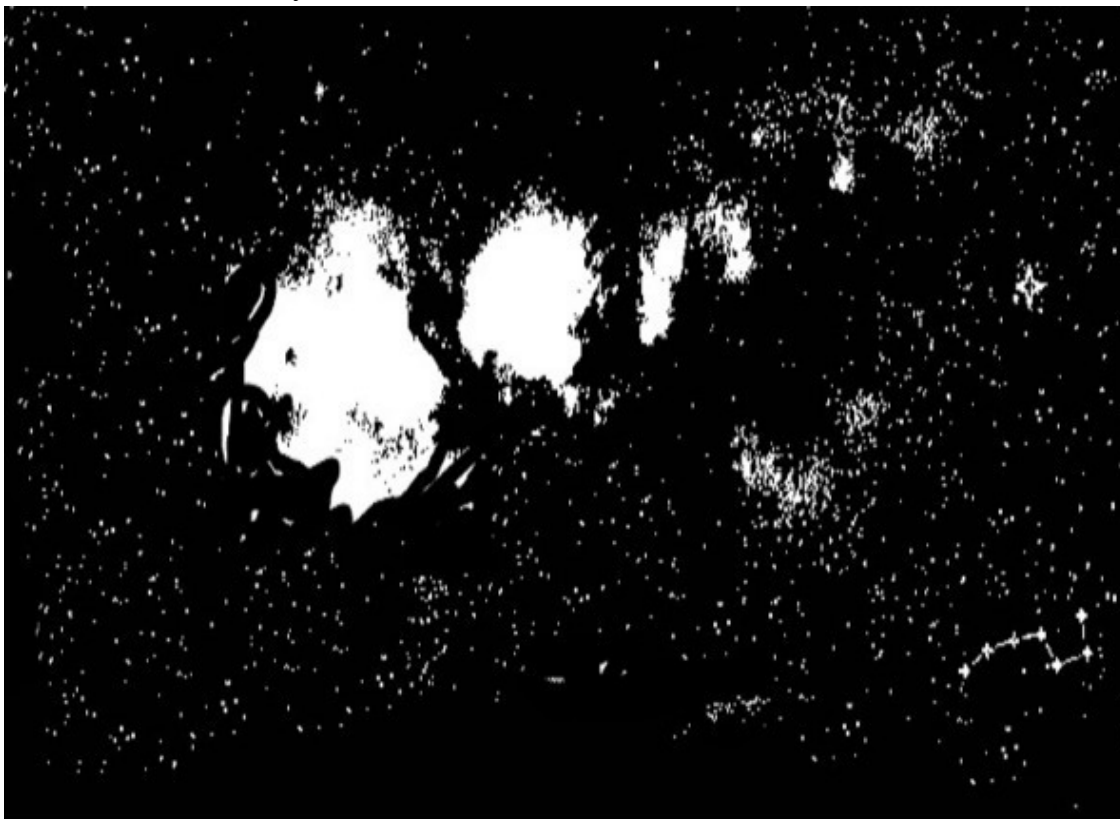
Возвращение

Николай Омелин

© Николай Омелин, 2026

ISBN 978-5-0070-2120-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иллюстрации автора

От автора: Любое сходство с реальными людьми, названиями и событиями является случайным.

Глава первая

7160 лето от сотворения мира/1652 год от Рождества Христова/

Июньское¹ солнце, спрятавшись накануне за горизонтом, пребывало там недолго. Утренняя заря быстро расплылась по небу пурпурно-малиновым цветом. Спустя какое-то время из-за чернолесья солнце показалось снова, раскрасив яркими красками всю округу бывшего Черного Прилука. Светило на мгновение задержалось меж деревянных церквей Спасского девичьего монастыря, проникая лучами во все его уголки. Наконец, заключив в свои объятия прохудившиеся от времени и давно не знавшие ремонта крепостные стены Большого Острога, оно продолжило свой дневной путь.

Солнечный свет просочился сквозь Спасские ворота, перевалил через городскую ограду и устремился во все концы Великого Устюга. Редкие прохожие, что оказались в этот час на улице Гулыни Спасской, невольно щурились от его ярких лучей и прикрывали глаза руками. А рассвет тем временем добрался до южной стены, спустился к Сухоне и расплылся искрящимися бликами по речной глади. Достигнув противоположного берега, новый день поприветствовал Дымковскую слободу и, скользя по покрытым осиновым лемехом куполам тамошнего храма, он устремился дальше.

Город стал просыпаться. Над хозяйскими дворами потянулись из волоковых труб и окон клубы сизого дыма. Со стороны Пёсьей слободы подул легкий ветерок, разнося его запах по всему Устюжскому посаду. У крепостных ворот, что вели из Острога в Городище, глухобрякнул засов. Натужно заскрипели петли открываемых дубовых полотен, и не прошло минуты, как загрохотал подъемный механизм разводного деревянного моста, соединяя меж собой бывшую крепость с посадом.

И тут же заголосил где-то у Городища заждавшийся восхода солнца петух. Со стороны Устюжского детинца ему тут же отозвался другой. Едва смолкнув, он прокукарекал снова, пробуждая ото сна Леонтьевский конец сонного городка. В устье Юга дали знать о себе вездесущие чайки, огласив пронзительным криком приход дня летнего солнцестояния. Оставив беледые следы своего ночного пребывания на прибрежных камнях и лодках, птицы взмыли над Сухоней и заголосили, перебивая друг друга, словно соревнуясь, кто громче крикнет.

Нынче диакон Андриан проснулся раньше обычного. Дел и забот предстояло немало, и ждать, пока солнце покажется над крепостными стенами, священнослужитель не стал. Лишь только первые робкие лучи проникли в избу сквозь узкие оконца, клирик уже был на ногах. Первым делом он вышел на подворье, где с наступлением погожих дней у него под навесом висел рукомойник. Прохладная колодезная водица вмиг прогнала остатки сна, и Андриан воротился в избу в бодром расположении духа. Он затопил печь, а когда огонь загудел и набрал силу, привычно орудуя ухватом, поставил в самый жар два горшка. В первом томила пшенная каша, приправленная молодой снытью и запасенными впрок солеными пестами — полевым хвощом, а в другом настаивались залитые водой сушеные грибы, собранные еще прошлым летом в густых монастырских лесах.

Конечно, в иное время в горшках вместо лесных даров могла бы томиться любимая диаконем сочная баранина или свежая рыба. Но Пятидесятница нынче пришлась на самую сере-

¹ Новый Год (Новолетие) начинался 1 сентября и заканчивался 31 августа

дину мая, и начавшийся спустя неделю Апостольский пост был теперь в самом разгаре. До сытного мясоеда оставалось еще долго, посему о баранине Андриан и не помышлял. А до выходных, когда по уставу разрешалось вкушать рыбу, нужно было терпеть еще два дня. Вот и трапезничал клирик, как и подобает истинному христианину, постными яствами.

Справив дела у печи, Андриан глянул на взошедшее в квашне тесто и принялся собирать на стол. Увесистый кувшин с пенистым квасом, тяжелая коврига испеченного накануне ржаного хлеба да горшок с остатками вечерней овсянки переключевали из прохладной клетки на выскобленную добела липовую столешницу.

Только тогда он подошел к спавшей на лавке супруге и тихо, по имени, её окликнул. Когда Пелагея пробудилась, Андриан обратился к иконам в красном углу и вполголоса прочитал утреннюю молитву, испрашивая благословения Отца Небесного на грядущий день. Он истово осенил себя двуперстным знаменiem, благословил нехитрую еду и присел на лавку, ожидая, покуда Пелагея умоется и оправится после сна.

С дочерью Петра Сухова, пономаря Ильинской церкви, Андриан познакомился задолго до своего рукоположения. Прожили они в согласии без малого двадцать лет. За это долгое время трое их ребятишек отошли к Богу еще в младенчестве. Старшей же дочери Фёкле минувшей осенью исполнилось пятнадцать лет, а сыну Никитке аккурат сегодня пошел седьмой годок. Фёклу нынешним летом выдали замуж за сына диакона, и в доме их осталось только трое.

Детей Андриан любил и втайне завидовал тем хозяевам, у кого в избах с утра до ночи не смолкал звонкий ребячий гомон. Дочку, пока росла, он баловал заморскими гостинцами, а теперь и вовсе в Никитке души не чаял. Дочь нравом пошла в мать — была тиха, рассудительна и неразговорчива, а сыну одному в четырех стенах всегда было скучно. Оттого их двор зачастую был полон соседской детворы, а в свободный час Андриан и сам не без удовольствия тешился с ними, забывая о годах и сани.

Прихожане давно заметили за ним не столько одно лишь желание, сколько истинный дар и умение ладить с детьми. К тому же священнослужитель слыл среди посадского люда человеком книжным, глубоко образованным и до конца преданным святой вере. И в том, что он вот уже который год кряду учил устюжских недорослей грамоте, никто не находил ничего удивительного.

Андриан Цеица, сын Матвеев, пришел в этот мир сорок лет назад в Великом Новгороде. Он рано лишился материнской ласки и воспитывался отцом бок о бок с двумя младшими сестрами. Худощавый, болезненный в детстве мальчик с годами чудесным образом превратился в статного, широкоплечего мужчину. Рыжая окладистая борода и копна огненных волос, по его собственному разумению, не слишком приличествовали клирику. В народе ведь не зря испокон веков говорили: «Рыжий да красный — человек опасный». Андриан всерьез опасался, что столь приметная внешность станет помехой его служению и продвижению по церковным чинам. Однако позднее встреча с рыжебородым митрополитом Ростовским и Ярославским, посетившим Устюг, заставила его иначе взглянуть на себя и свой облик.

Отец Андриана, поп Матвей, исправно нес службу в Новгороде при Софийском соборе. Сам он был родом из Великого Устюга, из потомственной семьи священнослужителей. По достижении двадцати лет, не без тайного заступничества своего отца — настоятеля Покровской церкви протопопа Ивана, — Матвей был направлен на службу в вольный Новгород. Почему дед так распорядился судьбой младшего сына, Андриан не знал. Двое других сыновей протопопа Ивана остались подле родителя в Устюге, но оба в одночасье преставились от лютой мори в то самое лето, когда Андриан еще и на свет не родился. Самого же Андриана в восьмилетнем возрасте вместе с сестрами забрал к себе дед Иван — случилось это после того, как отец канул в холодных водах Волхова.

Великий мост, соединявший новгородские берега, еще с первыми морозами закрыли на починку, надеясь к вешнему теплу завершить все работы. Всё это время горожане Торговой и Софийской сторон ходили друг к другу напрямки по льду. Посреди зимы грянула неожиданная затяжная оттепель. Лед на реке вмиг потемнел, напитался влагой, а кое-где и вовсе разверзлись черные проталины. В одну из таких полыней и угодил Матвей поздним вечером, возвращаясь со службы домой.

К тому времени протопопу Ивану шел уже девятый десяток, и прихожане взирали на него как на святого праведника. Здоровьем его Господь не обидел: несмотря на великий возраст, старец по-прежнему твердым шагом выходил на службу в Покровскую церковь устюжского Городища. Зычный, громоподобный голос протопопы был слышен далеко за пределами ограды, а рука при благословении не знала дрожи, посему о ином настоятеле люди и помыслить не смели.

Фамилию свою редкую семейство унаследовало от далекого пращура. Тот три столетия назад жил в Великом Новгороде, слыл искусным водоглядом и носил прозвище Цейца. На старый новгородский лад слово сие означало «чайка». У птицы этой глаз востер, она всё в речной глубине приметит — оттого и мастера нарекли так же.

Несколько лет назад Андриан Цейца был принят в состав причта Михайло-Архангельского монастыря для службы в Воскресенской церкви и пробыл там до прошлого года. Храм находился за пределами монастырских стен и имел обычную для того времени печальную историю: древнее деревянное строение от времени подгнило, венцы посерели, а само здание опасно покосилось. Средств на починку у бедных прихожан не водилось. Посему устюжские земские судьи и старосты вместе со всеми посадскими людьми порешили отдать церковь под начало Михайло-Архангельской обители. Минуло долгих два десятка лет, прежде чем она была заново отстроена и освящена. Андриану в тот год исполнилось одиннадцать лет. Именно в ней позднее и началось его истинное служение Богу.

К духовному поприщу его готовил дед — протопоп Иван. Он был стариком грамотным и преданным своему делу. Ему шел уже девятый десяток, но здравому уму и твердой памяти настоятеля Покровской церкви могло позавидовать большинство устюжан, кои были вдвое младше его. Здесь, на землях бывшего Покровского монастыря, он бессменно служил с тех самых пор, как судьба привела его в Великий Устюг. Несколько лет трудился простым послушником, постигая грамоту у тамошних насельников. Вскоре обитель упразднили, а Иван, приняв таинство посвящения, остался служить иереем при единственной там Покровской церкви.

Письму и чтению он обучил Андриана на редкость быстро — лежала у внука душа к книжному делу. В помощь ученику у священника имелось великое множество старинных книг и рукописных грамот, что не только расширяло житейский кругозор мальчика, но и спору приобщало его к строгому богослужебному обиходу. Славянские буквицы, титулы и сложные речения давались ему без видимого труда.

Первым делом дед торжественно вручил внуку Азбуку, по которой Андриан прилежно зазубривал названия букв: «аз», «буки», «веди». Когда буквы наконец послушно сложились в слоги, пришел черед Часослова. Его мальчик выучил почти наизусть, денно и ночью повторяя за дедом тягучие тексты дневных молитв. Вершиной же учения стала Псалтырь. Тяжелая книга в массивном кожаном переплете с тускло блестящими медными застежками и пугала, и восхищала Андриана. По ней он не только постигал тонкости церковного чтения, но и делал первые шаги в письме, старательно выводя ровные ряды букв.

Вместо дорогой привозной бумаги дед поначалу давал ему церу — небольшую липовую дощечку с невысокими бортами, залитую ровным слоем темного воска. В руках Андриана неизменно было писало, выточенное из стали или крепкой кости: острым концом он с замиранием сердца процарапывал на воске свои первые буквы, а другой стороной — плоской лопа-

точкой — тут же бережно заглаживал неровные штрихи и ошибки, возвращая дощечке перво-зданную гладкость. Лишь когда рука мальчика окрепла и стала уверенно выводить слова, дед позволил ему прикоснуться к заморским листам.

От избытка усердия Андриан однажды исписал затейливой вязью все стены дедовского амбара, изведя на это дело весь уголь, припасенный для кузнечных и медицинских надобностей. За прилежание дед выдал внуку новое стальное писало, а за порчу угля — наградил по мягкому месту березовой вицей. Вдобавок в единственный свой выходной Андриану пришлось до седьмого пота отмывать бревенчатые стены от въедливой сажи.

Уже через полгода отрок читал бегло, почти не дробя слова на слоги, а писал столь чисто и ладно, что за помощью к нему стали обращаться соседи — кому прошение составить, а кому челобитную. Куда труднее давался счет. Сама эта наука — цифирь — не вызывала у мальчишки ни малейшего интереса. Здесь деду в помощь приходили и сушеный горох, на коем ленивый ученик поначалу частенько простаивал на коленях в углу, и розги, коими за отлынивание от занятий старик не чурался «награждать» внука для острастки. К исходу первой зимы отношение к арифметике у Андриана всё же выправилось, и он смог больше времени уделять тому, что любил по-настоящему: молитвенным правилам, церковному пению и познанию тонкостей службы.

Жили они на Посаде, в достатке. Двор в десять сажен шириной был обнесен крепким сосновым тыном и располагался на самом перекрестье улиц Гулыни Спасской и Вздыхальни. Когда Андриан впервые услышал это необычное название, он тут же пристал к деду с расспросами. Тот не без удовольствия пояснил, что высокий угор, по которому бежит Вздыхальня, больно похож на киевскую гору, где некогда останавливался на роздых святой апостол Андрей Первозванный. Немного подумав, дед добавил, что именно там апостол водрузил крест, а гору ту с тех пор величают Вздыхальницей. Вот в память о том святом месте предки и нарекли одну из главных улиц Устюга Вздыхальней.

Насчет Гулыни Спасской у деда было несколько объяснений, но больше ему нравилась история, по которой улица эта была проложена по участку поля, на котором не было никакой растительности. Такую местность издавна звали Гулыней. Со Спасской было всё просто. В городе была еще одна улица с таким названием, а потому, чтобы не было путаницы, к названию второй добавили название монастыря, который она связывала с устюжским торгом и Городищем.

Иван Цеица умер, успев преподать внуку науки, что знал и умел применять сам. Кроме основных дисциплин, обучил основам землемерия и истории. Заставил выучить греческий и латынь, которые он и сам прекрасно знал. На том Андриан не остановился и уже без помощи деда освоил английский: с иностранцами Устюг торговал давно, и толмачей-переводчиков, которые охотно обучали горожан заморским языкам, в городе было немало. К тому времени Андриан уже частенько самостоятельно посещал богослужения в Покровской церкви и по городским меркам слыл юношей образованным и истинно верующим.

Дом Ивана Цеицы был хотя и старый, но в хорошем состоянии. Сестры Андриана вышли замуж и покинули его. Вот и остался он в нем жить только со своей семьей. Дедовская наука не прошла даром, и, встав на богоугодный путь, он и сам стал практиковать учительское ремесло. Сначала просто помогал прихожанам в том или ином учении, но постепенно стал всё больше уделять учительского времени не взрослым, а детям.

Несколько лет назад благодарные прихожане провели в его доме ремонт. Убрали старую, с волоковой трубой печь, а вместо нее сбили из глины новую — с кирпичной трубой, вьюшкой и добротными лежанками для всей семьи. После этого заменили тес на крыше и вставили новые светлые окна. С тех пор Андриан и стал вести обучение детей у себя дома. Благо и комната теплая, отдельная, в нем после ремонта появилась.

В отличие от иных земель, для жителей Новгородской республики родовые фамилии уже в те далекие времена не были редкостью. Многие выходцы с вольной новгородской земли свято хранили свои прозвания и передавали их потомкам как драгоценное наследство. Нынче многие из носителей тех имен проживали в самых разных уголках Русского царства. Вот и в Великом Устюге встретить человека с фамилией было делом привычным: как правило, большинство из них были потомками граждан Господина Великого Новгорода.

По дошедшим до священника семейным преданиям, звали его далекого пращура Фролкой, и во всем Подвинье лучше него ловца речного жемчуга не сыскивалось. Его взял в свою свиту богатый новгородский боярин, собиравшийся в военный поход в Заволочье, когда великий князь московский Василий Дмитриевич посягнул на новгородские вотчины. У того боярина было крепкое желание завладеть в северных краях новыми угодьями, посему и снарядил он в путь целую артель мастеровых людей, поставив во главе собственного сына. Дошли до боярина слухи, что в реках северных жемчуг дивный водится, вот с Фролкой Цейцей, знатоком водных глубин, он и скрепил уговор.

Незадолго до своей кончины дед Иван передал внуку сохранившуюся выписку из старой писцовой книги Нижнетоемской волости. Из этого листка Андриан и узнал, где и при каких горьких обстоятельствах оборвалась земная жизнь предка. «В лето 6907 в реке Нижняя Тойма утонул водогляд Фролка. Добытчик пытался в одиночку поднять со дна речной ямы великую раковину, но зацепился под водой за корягу и не смог выбраться на свет Божий», — гласила скупая запись. Сделана она была на потемневшем от времени, с обтрепанными краями лоскуте пергамена служителем Нижнетоемской церкви Порфиром Оськичем. Откуда у деда взялась сия бесценная бумага, Андриан в тот момент спросить не догадался. Когда же спохватился и надумал разузнать — было уже поздно: деда Ивана не стало.

С его же слов Андриан знал, что сам дед родился в одной из северных деревень, примостившихся на высоком бору у берега Двины-реки, в местечке Борок. Он рано остался сиротой и рос в семье борецкого крестьянина Тимофея по прозвищу Токмак. Когда Ивану исполнилось восемнадцать лет, Тимофей взял его вместе с родным сыном Ермолаем и подался на юг, в поисках казацкой воли на Волге. Но в пути Иван занемог, и Токмак вынужден был оставить его в Великом Устюге при Покровском монастыре. Парень долго болел, но всё же выправился и остался служить в обители.

Сам Тимофей Токмак погиб позднее, во время похода войск царя Ивана на Астрахань. Сын же его Ермолай навсегда связал судьбу с казачьей вольницей, участвовал во многих сечах и прославился в великих сибирских походах. Там же, на берегах Иртыш-реки, он и сложил свою буйную голову. Сказывал дед, что тот самый названный брат его Ермолай, вероятно, и есть знаменитый атаман Ермак Тимофеевич, но была ли то истинная правда или простое созвучие имен — уверенности у старца не имелось.

Умер дед Иван, не дожив до своего девяностолетия всего несколько месяцев. Андриану в ту пору шел пятнадцатый год, и его вместе с сестрами-сиротами забрала под свою опеку одна из верных прихожанок дедовской церкви. Анфиса Марковна была женщиной одинокой и пребывала уже в солидном возрасте. После недолгих раздумий она оставила собственный дом в соседней с Посадом деревушке и переехала в жилье покойного священника, дабы доглядывать за ребятами. Много разных занятий сменил Андриан, ища свой путь, прежде чем прихожане по совету отца Пелагеи рекомендовали его к церковной службе. К моменту рукоположения в сан диакона ему исполнилось уже тридцать лет.

Андриан в юности слушал дедовы рассказы прилежно, но, хотя и рос человеком любознательным, живого интереса к делам минувших дней поначалу не испытывал. Был ли тот атаман Ермак с его дедом из одной борецкой деревни али нет — в то время это мало его волновало. Несколько лет назад, когда в Устюге оказался проездом настоятель собора из Соли Вычегод-

ской, Андриан вновь услышал имя легендарного казака. Гость сказывал, что в их северных летописях черным по белому записано: Ермак — родом с Борка. Андриан вежливо выслушал батюшку, но и тогда те слова сердца его не задели.

Зато о судьбе собственных предков ему ныне хотелось знать много больше. Волею случая ему довелось прикоснуться к древним летописям, что десятилетиями велись устюжскими писцами при Успенском соборе. Во время пожара книги, наряду с иными историческими грамотами и церковными ценностями, были чудом спасены из пламени. На время возведения нового соборного здания их укрыли в крепких стенах Михайло-Архангельского монастыря, а после постройки каменной церкви Вознесения на Торгу почти все свитки перенесли в её надежные подклеты. В том-то храме Андриан и нес службу с нынешней весны, перейдя туда с Воскресенской церкви после очередного пожара в монастыре. Деревянные строения в Устюге горели часто: то молния разверзнет небо и ударит в сухой сруб, то свечу прихожанин оставит без присмотра, а то поспособствует беде прохуdivшаяся али перетопленная в лютый мороз печь.

Вот и Михайло-Архангельский монастырь в прошлом году беда не обошла стороной. Пожар занялся ранним апрельским утром, когда Андриан как раз спешил к заутрене в свою Воскресенскую церковь. Он в числе первых бросился на помощь насельникам и мирянам, на себе вынося из огня монастырское добро. Огонь бушевал такой силы, что носимые ветром раскаленные искры приходилось тушить в соседнем Спасском девичьем монастыре. Со слов игуменьи, старицам лишь чудом удалось отстоять занявшуюся было пламенем холодную церковь Преображения Господня. Михайло-Архангельская же обитель выгорела почти дотла. В пепел превратилось всё, что веками копилось внутри крепостных стен. Сгинули в огне холодный и теплый храмы. Не осталось и следа от часовни и высокой колокольни; висевшие на ней железные часы с боем, гордость города, превратились в бесформенные куски расплавленного металла. Не пощадило пламя и келейный корпус. Пострадал даже крепкий тын и перекинутый через Криночный ручей мост, что вел от монастырских врат к самому Посаду. Уцелели лишь несколько хозяйственных служб, да и в тех без доброй починки находиться было опасно.

После опустошительного пожара его настоятелем были внесены перемены в содержание церковного хозяйства. Иноки-насельники и простые трудники разошлись по окрестным обителям и сельским приходам. Диякон Андриан тоже вынужден был покинуть насиженное место в Воскресенском храме, который принадлежал монастырю и отправиться служить в церковь Иоанна Устюжского, что испокон веков стояла в древнем детинце. Однако пробыл он на Соборном дворище, как нынче горожане величали устюжский кремль, недолго.

Когда сейгот преставился прежний настоятель храма Вознесения, что на самом Торгу стоит, священник Воскресенской церкви отец Иоанн был определен на его место. Своего же верного помощника по прежнему причту, диякона Андриана, он забрал с собой из Устюжского кремля. Здешний храм с высокой колокольней хотя и числился пока «холодным», но для летней службы был пригоден. Прочные стены и сухое внутреннее убранство церкви идеально подходили для того, дабы уберечь в целости церковные реликвии. Посему храм Вознесения и выбрали для хранения устюжских документов и святынь, включая те немногие свитки, что удалось вырвать из пламени в Михайло-Архангельском монастыре. Андриан и прежде слыхивал о старинных грамотах, что веками копились в церковных сундуках, но как только стал нести здесь службу, не удержался и принялся с усердием изучать их в кладовых. Оттого и являться в храм он стал задолго до рассвета, а уходил частенько последним, когда сумерки уже плотно опускались на город.

Спустя несколько дней после перехода в Вознесенскую церковь, на шумной городской улице Андриана окликнул крестьянин. Клирик не сразу признал в нем того самого мужика, с которым они плечом к плечу стояли в густом дыму во время монастырского пожара. Оказалось, что крестьянин тот живет на самом краю Немецкой слободы и проезжал мимо обители,

когда огонь уже лизал монастырские стены. Услышав истошные крики, он бросил поводья и, не жалея себя, кинулся выносить добро из полыхающих келий.

Немногое тогда удалось отстоять у огненной стихии. В основном спасали намоленные иконы в тяжелых окладах да книги. Где именно в том дымном аду тот мужик прихватил маленькую деревянную шкатулку, он и сам не ведал — хватал в беспамятстве всё, что под руку подвернулось, и складывал в телегу. Почти всё спасенное он в тот же день сдал монастырскому эконому, но малый ящичек затерялся в соломе на дне повозки. На другой день телега та сломалась, и крестьянин бросил её во дворе, пересев на иную. Лишь вечер, когда пришло время чинить старую ось, он и наткнулся на ту коробку. Почуввав нутром, что вещь монастырская, он поехал искать эконома, но встретил Андриана. Прознав, что диакон ныне служит в храме, где хранятся монастырские ценности, мужик с облегчением отдал находку ему.

Внутри шкатулки обнаружились четыре небольших камня, величиною с доброе куриное яйцо. В центре каждого было искусно проделано круглое отверстие, и связаны они были между собой тонким, почерневшим от времени кожаным шнурком. Любой устюжанин с первого взгляда признал бы в них оберег, известный в народе под именем «куриный бог». Однако красота и диковинный вид камней разительно отличали их от простой речной гальки. Один камень отливал сочным оранжевым цветом и был чист да прозрачен, точно застывший мед. Другой, густого золотистого цвета, напоминал идеально выглаженный, массивный золотой слиток. Третий оберег цветом походил на бледную траву али на холодную, застывшую зеленоватую воду. Последний же, четвертый камень, показался священнослужителю самым красивым. Своим глубоким бирюзовым окрасом с причудливым узором из белесых полос и разводов он напоминал те заморские ларцы, что Андриан однажды видел в богатом доме одного из именитых устюжских купцов-гостей.

«Да поможет нам дух солнца, окажет милость дух огня. И не прогневается, и защитит нас дух воды. Да спасет нас от болезней и хвори дух ветра», — невольно всплыла в сознании Андриана древняя молитва язычников, которую и поныне можно было изредка услышать в самых глухих северных селениях. У того призыва имелось и продолжение, но его диакон дословно не упомянул. В памяти запечатлелось лишь главное: смысл заклинания сводился к тому, дабы четыре великие стихии — солнце, огонь, вода и ветер — оберегали людей от всякой напасти.

Не менее удивительным и тревожным оказалось содержание грамоты, которая, судя по всему, сопровождала эти ценности в пути. «В лето 6991-е по указу архиепископа Новгородского Сергия из качимской часовни переданы в дар московскому князю Ивану Третьему четыре камня-разноцвета», — шепотом прочел клирик старую дарственную.

Отчего их решил поднести государю глава новгородской церкви, Андриану было в общих чертах ясно. Историю, любовь к которой еще с отроческих лет привил ему дед Иван, он знал хорошо. Ему было известно, что после окончательного покорения Новгорода Иваном Васильевичем, в вольный город стали присылать из Москвы не только грозных наместников, но и высших церковных владык. Первым среди таковых и стал епископ Сергий. Из летописей, с которыми Андриану посчастливилось ознакомиться в кладовых, он знал, что спустя всего несколько месяцев правления, Сергий лишился рассудка. Его тихое помешательство не прошло бесследно — странные, а порой и вовсе нелепые указы архиепископа вызывали, мягко говоря, недоумение среди клира и паствы.

Последней каплей, поставившей крест на его служебном поприще, и стало это безумное распоряжение: отправить «языческих богов» в дар Ивану Третьему. Каким путем весть о камнях, хранившихся при церкви в лесной глухомани, дошла до владыки — Бог весть. Как неясно было и то, зачем помраченный умом пастырь удумал послать их великому князю. Стало ли то плодом случайности, злого умысла али чьей-то небрежности? В конце концов, возможно, кто-то из хитроумных новгородцев таким образом хотел окончательно сгубить обезумевшего

владыку. О том в летописях прямо сказано не было. Как не поминалось и о том, что случилось бы, попади этот языческий дар в руки глубоко верующего Ивана Васильевича. Об этом Андриан мог лишь догадываться: наверняка полетели бы головы всех причастных к столь дерзкому и кощунственному «подношению». И первым на плахе оказался бы сам несчастный Сергей. Видать, нашлась-таки в ту пору светлая голова, которая взвесила все последствия. Потому и не достиг подарок Москвы, застряв за надежными стенами древнего устюжского монастыря. А может, всё вышло куда проще: мала была коробочка, вот и затерялась в дорожной суете.

Сомнений в том, как поступить с неожиданной находкой, у Андриана не возникло. В тот же день он отнес шкатулку со всем содержимым в церковь Вознесения, известив о деле настоятеля Иоанна. Текст же старой грамоты он предусмотрительно переписал в свою книжицу, рассудив, что такие сведения могут со временем оказаться полезными. Настоятель отнесся к камням на диво спокойно: он порешил, что за давностью лет грамота силу свою утратила, а посему и тревожить Москву надобности нет. Великой ценности в них отец Иоанн тоже не приметил и велел Андриану убрать шкатулку в кладовую. Однако перед тем как клирик покинул келью, старец придержал его за плечо и негромко произнес:

— По старым преданиям, задолго до крещения нашей земли в здешних лесах обитало множество племен языческих. Одно из них звало себя тоймичами. Верили они истово, что в камнях подобных живут святые духи. По их убеждению, даже один такой камень-самородок надежно охранял жилище от всякой невзгоды. А все четыре могли уберечь от гибели целое племя. Ежели народ по какой-либо причине с берегами расставался — в их селения неизбежно приходила большая беда... Коли будет Богу угодно, так береги эти следует вернуть обратно.

С этими словами он осенил Андриана крестным знаменем и отпустил от себя.

После пожара митрополит Ростовский и Ярославский милостиво пожаловал Михайло-Архангельской обители грамоту на возведение новой каменной церкви. Но из-за великой скудности монастырской казны возрождение святыни тянулось медленно и трудно. Начатые работы то и дело замирали, стройка стояла месяцами, покуда вновь не находились малые крохи средств. Лишь недавно забрезжила твердая надежда на успех. На помощь, как уже бывало в лихую годину, пришел богатый устюжский гость Никифор Ревякин. Именно на его деньги, вырученные в основном от продажи драгоценной сибирской пушнины, ранее была возведена на Торгу первая каменная церковь — Вознесенская, где ныне и нес службу Андриан. Ревякин пообещал ссудить немалые средства, дабы выстроить собор Михаила Архангела величественным, пятиглавым и с высокой шатровой колокольней, коей не было бы равных в округе.

Много часов провел Андриан в хранилище Вознесенской церкви, при свете огарка пытаясь отыскать в спасенных свитках хоть малую зацепку, касающуюся его семьи. И труды его не пропали зря. В летописи о знаменитом новгородском походе на Орлец Андриан обнаружил подробные записи об осаде Устюга. Из приложенных к ней потемневших грамот он узнал имена тех, кто принимал участие в тех сражениях. Сказано там было и о самих новгородцах, что сперва стояли в Устюге, а затем ушли вниз по Двине к Орлецу. Помимо местных летописей, ему посчастливилось наткнуться и на несколько выписок из новгородских «писаний», чудом оказавшихся вместе с устюжскими. Не поленился когда-то безвестный дьяк, прилежно перенося на бумагу новгородские вести. По какой причине он это делал — Андриан гадать не стал. Может, кто из местных купцов пожелал сравнить устюжскую правду с новгородской, а может, кто из владык интересовался делами вольной республики — клирику то было не столь важно.

В тех-то пожелтевших свитках Андриан и отыскал истинное подтверждение всему, о чем в детстве поведал ему родитель и что когда-то было занесено в писцовую книгу нижнетоемским служителем Порфиром Оськичем. Узнал диакон и то, что далекий предок его, искатель речного перла Фролка Цеица, был среди тех новгородцев, которые почти три столетия назад

отправилось отвоевывать у московского князя городок Орлец на Двине-реке. Не поленился клирик сделать для себя подробные пометки на полях, записывая попутно имена всех, кто в том походе бок о бок с Фролкой веслом махал. Постепенно записей накопилось столько, что Андриану пришлось долго приводить в порядок многочисленные листы, связывая их меж собой. Так в его потаенных тетрадах один за другим стали появляться фамилии и прозвища вольных новгородцев, ушедших тогда в Заволочье.

В познаниях своих Андриан найденными в Устюге записками не ограничился. Направил он челобитную к самому Софийскому собору в Великий Новгород, прося тамошних грамотеев дать хоть какие-то сведения о прашуре. Надеялся он, что помимо листков, что обнаружились в устюжской летописи, в новгородских хранилищах сыщутся и иные свидетельства. И в своих ожиданиях не обманулся. Ответ от новгородского писца пришел удивительно скоро. Из него-то и узнал Андриан, что остался у того Фролки сын Евдоким, который поначалу жил в Новгороде. Прознав о кончине отца, Евдоким отправился в далекий погост Качим, к месту гибели водогляда. Там он обзавелся семьей, срубил избу и пустил корни. Недолго, впрочем, суждено ему было там жить. После смерти Евдокима вдова его с малыми чадами перебралась из Качима в Борки, что на Двине с давних лет стоит. Там и проживал их род, пока дед Иван волею случая не оказался в Великом Устюге.

Сейгот, горя желанием окончательно прояснить судьбу качимских грамот, направил Андриан прошение к настоятелю Нижнетоемской церкви. Но время шло, а ямская гоньба по разбитым дорогам до сих пор не приносила оттуда ни единой вести.

Пелагея была ненамного младше мужа — всего четыре года разделяло их появление на свет. Едва ей исполнилось шестнадцать, как отец выдал статную белокурую дочь за Андриана. Тот к тому времени разменивал уже двадцатое лето. Был он до этого женат, но первый брак продержался недолго и закончился горем. Детей с Клавдией, первой женой, завести никак не получалось. Лишь на исходе второго года замужества та забеременела, однако разрешиться от бремени так и не смогла — ушла в мир иной вместе с не родившимся дитем. Оставшись вдовцом, Андриан горевал недолго и вскоре привел в дом дочку пономаря. У Пелагеи, в отличие от покойной Клавдии, вопрос с наследниками долго не стоял: вскоре под сводами их избы зазвучал звонкий голосок жизнерадостной Фёклы. А вот дальше судьба словно отвернулась от них. Один за другим в младенчестве угасли две дочки и сын. И только на пятый раз великое счастье снова переступило порог их дома: родился Никитка.

Шесть лет миновало с того светлого дня, и нынче в семье вновь жила надежда. Петровна, как ласково звал жену Андриан, была уже на последнем месяце и со дня на день ожидала приплода. Годов ей, по мнению мужа, было еще немного — следующей весной должно исполниться тридцать пять. Потому и особых опасений за её здоровье Андриан не питал, но всё равно оберегал супругу пуще прежнего: со всеми утренними делами по хозяйству старался справляться сам, дабы дать ей лишний час покоя.

Прошло совсем немного времени, и Пелагея, придерживая тяжелый, выпирающий даже через широкую верховницу живот, неспешно подошла к столу. Перекрестившись на образа, она поблагодарила Бога за наступивший день и присела на лавку напротив мужа. Поправив сбившийся платок, она ласково посмотрела на Андриана и, робко дотронувшись до его руки, тут же её убрала, словно смутившись своего порыва.

— Скоро уж, Андриан, — тихо промолвила она и потянулась к кувшину с прохладным квасом.

— Что? — встрепенулся диакон, отрываясь от своих дум. — О чем ты, Петровна? — переспросил он.

— Спаси Бог тебя, Андриан. За ласку твою, за заботу обо мне и о здоровье будущего дитя нашего, — выдохнула она, отпив из кружки. — Скоро уж, Бог даст, разрожусь, так ты хоть по утрам поспишь подольше, не станешь у печи возиться.

— Не о том ты беспокоишься, Петровна. Мне те хлопоты вовсе не в тягость, — мягко возразил муж. — Ты о себе да о дитяти думай. Вчера в старой бане, в которой ты мне когда-то Никитку подарила, Карп Чупров каменку по-новому переладил да окольную светлую вставил. Так что там младенца принимать станем, в тепле да покое.

Андриан не считал себя человеком суеверным, но так уж вышло, что именно в старой баньке, которую он не раз порывался разобрать на дрова, благополучно родились и Фёкла, и Никитка. Новая же постройка не принесла семье радости, потому как дети, появившиеся в ней на свет, прожили недолго. Вот и решил диакон, что грядущие роды должны пройти в намоленном, старом месте.

— Твоя правда, Андриан, как решишь так и будет. К ней и от крыльца ближе идти, ежели прижмет, — покорно согласилась Пелагея.

Вслух о кончине деток она поминать не стала, к чему беречь старые раны. Муж верно всё рассудил. Ей самой эта мысль о старой бане в голову не раз приходила, но наперёд рассказывать Андриану она опасалась. У мужа и без того забот да хлопот через край. Посему Пелагея лишь тайне надеялась, что Андриан сам к тому придет.

— Может за рассолом сходить? Голова пуста с утра, не сообразил, — спросил Андриан.

Он собирался встать, но Пелагея удержала его.

— Сиди, Андриан. Я после попою. Не что и делала. Сама схожу. Сегодня ведро кабыть намечается, так у печи обряжусь, дай Бог, и вынесу с сундуков все на улицу. На вешала развешу. Посохнет с зимы, да поветреет пусть.

— Ты бы... — начал было Андриан, но Пелагея воспротивилась.

— Не удерживай. День хороший, так надо шевелиться. Никитку хочу сводить к Тимонихе. Пусть живот посмотрит. Который день уж жалиться. Провошкалась сколько времени, а тряпиц чистых к Петрову дню так и не припасла.

— К Петрову? — удивился Андриан.

— Думаю я, что дитя наше аккурат к этому празднику на свет Божий явится, — заметила Пелагея.

— Дай-то Бог, дай-то Бог.

— А ты все меня оберегаешь, а сам вон ни свет ни заря уж на ногах. Как муравей трудишься денно и ночью.

Диакон вздохнул, пожал плечами и промолчал.

— Ты рыбника не поел совсем, — видя, что муж заканчивает с трапезой, проговорила Пелагея. — Когда еще крошка-то во рту будет. То я все подле дома во дворе толкусь, а ты...

— Детишек родители за два часа до полудня в храм приведут, знакомиться станем, — пояснил Андриан. — А до того надобно мне к батюшке Иоанну поспеть. Петровна, говорил тебе вчор, али не слышала?

— Говорил, говорил Только вот запомнила я.

— Сегодня в последнем часу дня сам Никифор Ревякин с целовальником в храме будут. Мне на той встрече всенепременно быть надобно. Архимандрит Игнатий к моему батюшке Иоанну в тот час придет о стройке рядиться. Они-то в каменном деле да в чертежах худо смыслят. И хотя невелико пока моё место в церкви, и высокого чина я еще не выслужил, но настоятель монастыря на дела смотрит, а не на сан. Он и прежде со мной по строительству всегда советовался, еще в обители. Вот и сегодня просил батюшку Иоанна, дабы меня позвал, когда Ревякин о ссуде на собор речь заведет.

— То и впрямь тот самый купец, что на храм Вознесения средства жертвовал? — уточнила Пелагея, прихлебывая квас.

— Он самый, Никифор Ревякин. На его щедрые пожертвования наш храм из камня возвели. Нынче он и Михайло-Архангельскую обитель из пепла восстановить хочет, посему у нас в приходе и соберутся о том говорить. Торговля в городе ныне идет исправно, дай Бог каждому. Рухлядь мягкую к нам со всех концов поставляют. И с Оби-реки, и с других сибирских островов везут. На самом перекрестке архангельских и сибирских путей наш город стоит. Настоятель верно говорит, что всяк на пушнине копейную деньгу заработать может, да не всяк ей по совести распорядится. Но, слава Господу, на Руси достойных людей и с капиталом немалым в достатке. Афанасий Гусельников вон тоже в «гостиную сотню» к Никифору метит. Тоже, поди, со временем церкви в посаде ставить начнет. Оно и правильно, оно и по-христиански, когда богатство на богоугодное дело идет.

— Истинно батюшка говорит, — согласилась Пелагея.

— Я вчера для него в кладовой грамоты старые отобрал по каменному строительству. Хочу их ему показать, дабы он в течение дня их просмотрел. А из-за ребятишек малых я сегодня на службу лишь после полуденной трапезы отправлюсь. Батюшка Иоанн на то благословил.

— Как знаешь, Андриан. Уж больно ты заботлив да к чужой беде отзывчив. Бог всё видит, всё тебе зачтется. Другие-то грамотники да учителя только на Наумов день, в декабре, ребят к себе на порог пускают. А ты ради отроков заранее стараешься, с середины лета их к книжному делу готовишь. И кажинный раз у тебя так...

— Не кажинный, Петровна. Помнится, в прошлом году серебряных дел мастера Василия Третьякова сын, Калинка, с отроком покойного Трофима Соловья Анфимом, царствие ему небесное, первый раз лишь на самого пророка Наума явились. Летом они по нужде не смогли. На Наумов день дитя должно приходить уже с мыслями об учении, а не с баловством в голове. Вот и беседую я с ними загодя, дабы до декабря месяца могли они вместе с родителями духом книжным проникнуться. Тогда и грамота легче даваться будет. Коли время и здоровье позволят, дойди сегодня до Съезжей избы. Спроси у Трифона-целовальника, как там дорога на Вагу-реку? Наладилась ли ямская гоньба с того уезда?

— Вчера Марфа с Миросницкой улицы сказывала, что торговый тракт нынче еще распутица не отпустила, — вздохнула Пелагея. — Весна-то, сам видишь, какая выдалась: всё дождь да хмарь, небо словно решето дородное. Как лед на Архангельск ушел, ямщики оттуда всего два раза и пробились. Но нынче ведро на дворе, солнце припекает, так что высохнет колея скоро. Тогда и гоньба зачистит. Всё с Нижней Тоймы вестей дожидаясь?

— Жду, Петровна, — глухо отозвался диакон. — Душа не на месте. И вот еще что... Может, и не надобно мне раньше времени об этом заговаривать...

— Сказывай же, Андриан, что на душе камнем лежит? Не таи от жены, — Пелагея внимательно посмотрела в глаза мужу.

— Батюшка Иоанн давеча обмолвился... Сказал он, что быть мне священником со дня на день. Владыке в Ростов уже и представление ушло, — негромко произнес Андриан, сам еще не до конца веря в сказанное.

— Ну и, слава Богу! Слава Тебе, Господи! — всплеснула руками Пелагея, и лицо её озарилось искренней радостью. — Он всё видит. По заслугам твоим да по делам добрым уж давно бы тебе, Андриан, не то что простым попом, а соборным протопопом быть! Сам-то ты никогда за себя не попросишь, гордость не уймешь, так вот Господь сам все решил.

— На всё воля Божья, Петровна, — смиренно ответил Андриан, размашисто перекрестившись на образа. — Нам лишь служить да заветы Его блюсти, а чины, то дело мирское.

До полудня оставалось еще добрых три часа, когда во дворе Андриана объявились первые прихожане. Скрипнула дверца в ограде, пропуская Мавру Чупрову и мальчишку лет восьми. Женщина в одной руке несла тяжелую корзину, прикрытую чистым льняным полотенцем, из-под которого доносился приятный запах свежей выпечки. Другой же рукой она крепко, точно клещами, держала юнца за ладонь и выпустила его лишь после того, как плотно притворила за собой калитку.

Завидев или, скорее, почуяв незваных гостей, лениво тявкнул и тут же смолк старый хозяйский пес. Нехотя вильнув облезлым хвостом, он сделал было пару шагов навстречу, но то ли от природной лени, то ли от старости, а вернее, от того и другого разом, передумал и приближаться не стал. Немного постояв, кобель стал неловко пятиться, пока не укрылся в тени под амбаром. Оттуда он еще раз окинул пришельцев мутным взглядом и окончательно улегся на кем-то брошенной прелой соломе.

— Мамка, а мамка! На кой мне сдалось учение это? — ворчал мальчуган, явно приведенный во двор диакона не по своей воле. — Тятя с дядькой в кузнице с утра до ночи трудятся, железо куют. Они книг церковных не читают, грамоты никому не шлют, а разве худо мы живем? Хлеб на столе всегда имеется. Мне-то что с того учения? Ребята на улице сказывали, будто кто много знает, того Бог к себе не пускает!

Грубо расчесанные пятерней рыжие волосы то и дело спадали ему на глаза. Мальчишка сердито закидывал голову назад, пытаясь вернуть непослушную копну на место, но кудри упрямо лезли обратно.

— Будешь ныть да зудеть, отцу скажу! — строго прикрикнула мать, не замедляя шага. — Видно, березовой каши давно не пробовал, так за родителем твоим дело не станет, вмиг спину выпрямит. И Бога все не поминай, коли сам ленив. Головой-то не трясись, а то вечером все твои кудри под корень обкарнаю, будешь как колено гладкий.

Упоминание об отцовской руке и нежелание расставаться с длинной челкой заметно поумерили пыл парня. Он виновато взглянул на мать и пробормотал извиняющимся тоном:

— Дак я чего? Я же ничего... Я так просто, к слову пришлось. Коли велите, стану грамоту постигать, не сомневайся.

В этот миг дверь избы отворилась и на пороге показалась Пелагея. Заметив гостей, она неспешно, придерживая одной рукой тяжелый живот, спустилась с крыльца.

— Доброго здоровьица, матушка Пелагия, — поприветствовала хозяйку Мавра и низко ей поклонилась. — Мир дому вашему и здоровья всем близким.

Она легонько подтолкнула сына в спину, и тот поднял ясные белесые глаза на жену диакона.

— Доброго здоровьица, матушка Пелагия, — чинно проговорил он, стараясь не забыть произнести имя на церковный лад, как учила мать.

Пелагея в ответ приветливо улыбнулась и осенила себя двуперстным знамением.

— Гляжу, не терпится... вам первыми быть, — Она ласково взглянула на Мавру, приглашая гостей к крыльцу.

— Мишка. Мишкой его в Посаде кличут, — поспешно добавила Мавра, уловив легкое замешательство на лице хозяйки.

— Не терпится, стало быть, Мише к книгам припасть. Это дело похвальное, учение всякому во благо пойдет, — кивнула Пелагея. — Диакон Андриан уж скоро воротиться должен, в храме он. Вы его подле крыльца обождите али в учительскую горницу проходите, там прохладно.

Мавра, спохватившись, подняла тяжелую корзину, откинула беленое полотенце и протянула Пелагею:

— Тут я принесла, что Бог послал. В благодарность диакону Андриану за учение и наставление, да вам, матушка Пелагия, за доброту и великое терпение. Горшок со свежим устоем — сливками густыми, да маслица кусок, и грибов сушеных мешочек. Вчера как раз сестра с Красной слободы гостила, от своих щедрот привезла. Да вот еще два пустых горшка новых. Они в хозяйстве, думаю, ныне и присно надобны.

— Спаси Бог тебя, Мавра Семеновна, — искренне поблагодарила Пелагея, принимая дары. — Но напрасно ты так беспокоишься. Муж твой, Карп Захарьевич, нам по дому и так много подсобляет. Диакон Андриан утрось поминал, что Карп баню нам старую наладил, каменку перебрал. А с горшками то ты точно угадала: я сегодня один как раз разбила. Дитя в утробе уж на волю просится, утром шевельнулось так крепко, что я обмерла и горшок с кашей из рук выронила. О Мишкином пропитании в эту зиму не кручинься: муж твой так много для нас делает, что я сынка твоего как родного накормлю.

— Да как же можно, матушка Пелагия! Неужто мы совсем в скудости живем, чтобы сына без куска хлеба учиться отправить? — в голосе Мавры промелькнули нотки искренней обиды.

— Не серчай, Мавра. Так диакон Андриан распорядился, а значит, Богу так угодно. Не отказывай в малой просьбе мужу моему.

Мавра хотела было еще возразить, но в этот миг калитка вновь со скрипом отворилась, и во двор вбежал худощавый белобрысый мальчишка. Увидев у крыльца людей, он, не сбавляя шага, направился к ним.

— Калина? А ты-то чего здесь, егоза? — удивилась Пелагея. — Ты же прошлую зиму почитай всю в учениках ходил.

— Здравья вам, матушка Пелагия! Диакон Андриан велел, дабы я сегодня всенепременно явился. И матушке наказывал со мной прийти, да не смогла она. Мишка, братец мой младший в жару лежит, оставить его не с кем. Вот я один и прибежал, — звонко, захлебываясь словами, выпалил паренек. — А Анфим Соловей нынче не явится, некогда ему.

— Зимой, поди, придет доучиваться? — спросила Пелагея.

— Не-е, и зимой не ждите. Совсем ему не до грамоты стало, как тятя у него преставился, — пояснил Калина, сразу став серьезным.

— Царствие Небесное Трофиму Иванову, упокой Господь его душу, — Пелагея размашисто перекрестилась. — Истинный мастер был, иконы дивные писал. Они ведь с Савватием Ермиловичем в паре работали, дружно. В саму Москву, сказывал Андриан, ездили, для царского двора заказы важные исполняли. Забыла я про Трофима-то, совсем из головы волей Божьей выпало. Нынче память часто подводит. Ведь в Москве и случился у него удар, там и схоронили на чужбине... Ну что же поделать, доля вдовья горькая. Теперь Анфиму опорой матери быть надобно, коли отца в живых нет, — вздохнула Пелагея.

— А кто еще из новеньких придет? — не унимался Калина. — А то прошлым летом закончили учиться многие, лавки опустели. Да еще и Соловей не придет...

— Сёмка, Леонтьев сын, прошлую зиму вместе с тобой «аз» и «буки» учил. Он придет, — ответила Пелагея.

— А-а-а, Каланча-то? — усмехнулся Калина. — Ну, тот явится. Ему учение пока не впрок, в одно ухо влетает, в другое выходит. А учиться ему надобно, не то тятя его в деревню навоз кидать отправит, вместо того чтобы в купеческой лавке соболями да белками торговать.

— И чего вы мальчишку Каланчой прозвали? — удивилась Пелагея, вспомнив невысокого Сёмку с копной вьющихся волос и широко поставленными, навывкате, голубыми глазами. — Он же ростом ниже тебя будет!

— Гавзова-то? — Калина пожал плечами. — Не знаю. Зовут и зовут. Может, оттого и кличут, что маленький, в насмешку. Меня вон ребята Жаравицей прозвала и ничего, не жалу-

юсь. Я разве похож на кислую болотную ягоду клюкву? — парень задорно фыркнул. — А кто еще нынче придет? С нашей улицы ребята будут али с окраин?

Пелагея добродушно посмотрела на шустрого, не по годам развитого мальчугана.

— Скоро диакон Андриан воротится, и всё сами узнаете. Вы в учительскую горницу проходите, нечего на пороге стоять. Калина, проводи гостей, ты тут всё знаешь.

— Пойдемте, — важно произнес Калина, оборачиваясь к Мавре с сыном. — Меня, стало быть, Калиной звать. А тебя как? — спросил он, с интересом разглядывая рыжего Мишку.

Тяжелая дверь в дом захлопнулась, и голоса детей стихли.

Остальные приглашенные тоже не заставили себя долго ждать. До полудня оставалось чуть более двух часов, когда во двор быстрым шагом вошел диакон Андриан. Первым делом справившись о здоровье жены, он проследовал к гостям. Как и было уговорено, Пелагея уже рассадилась ребятишек у длинного стола на лавке вдоль окон. Поближе к учителю примостились «старики» Семка с Калиной, кои уже не первую зиму грызли науку. Далее, озираясь по сторонам, сидели будущие первогодки. Родители расположились на лавках у противоположной стены. Между ними и детворой оставался узкий проход, на краю которого, подле красного угла, и встал диакон Андриан.

— Слава Господу, что нашлось у вас время прийти. Долго я вас томить не стану, — начал он негромко. — Кто со мной еще не знаком, скажу: зовут меня диакон Андриан. Бог милостиво дал мне возможность служить Ему, что я и творю в храме Вознесения. Кто из вас, отроки, ведает, где расположен этот храм Божий?

Священник медленно обвел взглядом притихших ребятишек и сразу заметил, кто из них готов к ответу, а кто прячет глаза.

— Ну, вот хотя бы ты, — он указал рукой на круглолицего мальчугана с приметным родимым пятном на щеке. — И запомните, отроки: прежде, чем учителю ответ дать, всегда надобно встать в полный рост. Этим вы почтение к Богу и слову Его показываете в первую очередь. Ну, так что скажешь?

Андриан пристально, с добрым прищуром, посмотрел на будущего ученика.

Мальчишка медленно поднялся, бросил взгляд на сидящую напротив мать и, уловив в её глазах одобрение, посмотрел на учителя.

— То рядом с торговыми рядами, — ответил он, глядя на Андриана ясными карими глазами. — Как мимо лавок с Богословской площади пройдешь, так сразу и храм видать. Торговой площадью то место в нашем конце величают, — договорив, мальчишка густо залился краской.

Он уже хотел сесть обратно на лавку, но учитель властным жестом его упредил:

— погоди, не спеши. Звать-то тебя как, отрок?

Тот снова скосил глаза на мать и смиренно опустил голову

— Авдеем кличут. Сын я Савватия-личника, — негромко, но с явной, неподдельной гордостью в голосе проговорил он.

— Хорошо, Авдей. Молодец, что о родном городе ведаешь не понаслышке. А скажи мне еще: родовая фамилия у твоего рода-корня имеется? Или с прозвищем каким мирским живете? И в каком таком конце Устюга двор ваш стоит? — продолжал расспрашивать Андриан, примечая смущенность малого.

На этот раз Авдей на мать оглядываться не стал, ответил сразу и твердо:

— В Леонтьевском конце двор наш, почитай, напротив самого детинца. Фамилия родовая тоже имеется — Пластинины мы. А в народе нас издавна Оськичами кличут. Восемь лет от роду мне сейгот аккурат стукнуло.

Он явно хотел добавить что-то еще, но Параскева, сидевшая напротив, строго оборвала сына:

— Ты прости его, диакон Андриан, за излишнюю разговорчивость, — и, повернувшись к Авдею, с укором заметила: — Сынок, ты бы отвечал внятно да только о том, о чем тебя спрашивают. Ты бы еще, как кошку домашнюю кличут али борова в хлеву, здесь выложил! Не отнимай попусту время у наставника и мать перед Господом не позорь невоздержанностью.

— Да ничего, матушка, пустое. Отрок он наблюдательный, то во благо, — примирительно улыбнулся Андриан. — Ты ведь Савватию Ермиловичу женой приходишься, матушка сего молодца? Правильно ли я понял?

— Мать я ему, диакон Андриан, истинно мать. Параскевой звать. Жена Савватия Пластинина я.

— Интересно, матушка, очень интересно... — протянул Андриан.

В памяти его мгновенно всплыла пожелтевшая выписка из писцовой книги Нижнетоемской волости, где некто Порфир Оськич сообщал, что предок диакона Фролка Цеица сгинул в реке в лето шесть тысяч девятьсот седьмое.

— Оськич, значит... — еле слышно, одними губами прошептал он, пораженный совпадением.

— Чего ты молвил, батюшка? — переспросила Параскева, и Андриан оторвался от внешних воспоминаний.

— Всё хорошо, говорю, с твоим сынком. Присядь, Авдей, покуда. И ты присаживайся, матушка Параскева, — проговорил он, возвращаясь к делу. — Знаком я с Савватием Ермиловичем, знаком я с ним лично. Золотые руки у мужа твоего и голова светлая. Он ведь до самой кончины Трофима Соловья, упокой, Господи, его душу, с ним вместе трудился. И скажу я вам: лики святые да телеса у вашего батюшки выходят не хуже, чем на самых древних, намоленных иконах. Трофим-то, при всем уважении, всё боле по узорчатой росписи преуспевал, а вот само письмо иконное у Савватия Ермиловича лучше выходит, — задумчиво заключил Андриан.

— Истинно красивые. Я видел... — еле слышно прошептал Калинка Третьяков, что, впрочем, не укрылось от учителя.

— Калина, бери с полки церу да писало, — распорядился Андриан. — Станешь сегодня моим помощником: записывай всякого отрока, кто нынче учиться начнет с тобой и Семёном.

Мальчишка пулей соскочил с лавки. Бережно взяв с полки покрытую воском дощечку, он с торжественным видом вернулся за стол. От гордости за столь важное поручение Калина не утерпел и, улучив миг, чувствительно ткнул локтем в бок своего соседа по лавке.

— Вот так-то, Каланча! — победно усмехнулся он, едва шевеля губами.

— Ах ты, Жаравица кислая! — не выдержал тот и, вскинувшись, замахнулся кулаком на обидчика.

Андриан, заметив неладное, тут же оказался подле мальчишек.

— Семён, ты никак слово молвить желаешь, коли руку так высоко поднял? — спокойно, но строго спросил он.

Гавзов тут же вскочил. Вставая, он еще больше выделился среди сверстников своей малолетностью. Опасливо косясь на Третьякова, Семён понуро опустил глаза.

— Прости меня, диакон Андриан... бес попутал, — тихо пробормотал он.

— У Бога прощение испрашивать надобно, Семён. Он простит, коли раскаяние в сердце истинное. А руку на ближнего поднимать — дело греховное, негоже так поступать. Впредь держи себя в руках, как и подобает ученику, который уже одну зиму премудрости у меня обучался. Вы с Калиной сейгот уже вдругорядь за стол садитесь, стало быть, во всем пример должны первогодкам показывать.

— Понял, диакон Андриан, — почти неслышно ответил Семён.

Учитель ласково тронул мальчишку за плечо, давая знак сесть.

— А матушка твоя, Ульяна, отчего нынче не пожаловала?

— Тятя по купеческим надобностям на стругах за товаром отправился и её с собой взял, — пояснил Семён, оправляя рубаху. — А бабка Нюрка, что при доме осталась, наотрез идти отказалась. Говорит, ноги у неё больно крутит.

— У Леонтия Яковлевича круглый год заботы торговые, — кивнул Андриан. — Но на дела богоугодные он ссуду завсегда дает, не скупится. Трудно ныне всех разом собрать в страдную пору, да видать, Богу так угодно, а нам лишь волю Его исполнять полагается. В прошлую зиму, — учитель обратился к остальным, — учился здесь Анфим Соловей. Большие способности к грамоте отрок показал, прилежанием многих превосходил. Но посетила их дом беда: не стало более кормильца и отца. Царствие Небесное Трофиму Иванову. Теперь Анфиму матери опорой быть должен. Даст Господь, может, через год-другой и воротится к учению.

Андриан выдержал паузу, оглядывая притихших отроков, и продолжил:

— Вы знаете, отчего я принимаю вас именно в этот день, в разгар лета. Но напомним еще раз, дабы в ваших головах порядок был. Постигать грамоту, письмо и цифирь мы станем с первого зимнего месяца. Будем вместе к заутрене ходить, Слову Божьему внимать. Являться на учение надобно затемно, за час до восхода солнца, и на погоду, будь то вьюга али мороз лютый, снисхождения не ждите. Ученье станет длиться весь день и заканчиваться лишь спустя два часа после заката. Так положим на весь декабрь, сиречь студень. Как наступит просинец — январь по-латыни, часы занятий малость изменим.

Священник нахмурил рыжие брови:

— В течение дня мне порой надобно будет оставлять вас одних ради иных богоугодных дел в храме. На это время за старшую с вами пребудет матушка Пелагия. Ежели от неё хоть одна жалоба поступит на нерадение али озорство... лучше ведите себя смирно, будто я рядом. Во время уроков трапезничать запрещаю, для того выделим особый час. Где во дворе отхожее место находится, вам покажут Калина с Семёном.

Андриан вопросительно глянул на Третьякова и Гавзова, и те, выпрямив спины, согласно закивали.

— С Наумова дня к книгам приступят шестеро. Двое, Семён Гавзов и Калина Третьяков, как я уже сказывал, вторую зиму станут грамоту постигать. Степан Пономарев, Авдей Пластинин и Миша Чупров начнут учение с самого начала, с азов.

— А как же мой? — подала голос молодая женщина, сидевшая с самого края, поодаль от остальных.

— Не стоит переживать, Федосья Ивановна. Господь о каждом помнит, — мягко отозвался учитель. — Шестое и последнее место в нашей школе, взамен выбывшего Анфима Соловья, по праву займет Григорий Ларионов. Только вот что-то я не вижу его среди нас?

— Занемог он, диакон Андриан. Заболел Гришка, второй день в жару лежит, — оправдывалась мать. — Не обессудь на нас, батюшка. Я всё, что здесь услышу, сыну слово в слово перескажу. Муж мой, Иван Ефимьевич, сам думал сегодня прийти, да воевода Ефим Федорович третьего дня его по важной надобности в Вологду отправил.

В голосе жены земского старосты Ларионова звучало столько неподдельного сожаления и горечи, что Андриан даже слегка смутился своей строгости.

— То ничего, дело житейское. Пусть сил набирается да выздоравливает, — примирительно молвил Андриан. — Как поправится Гришка, так слово в слово передадите ему мой наказ. А мужу вашему нижайший привет от меня, как воротится из поездки. Воевода наш, Ефим Федорович, нрава беспокойного. С ним службу нести — дело непростое, не всякому под силу. Времени и терпения, окромя уменья, она требует великого. Но, слава Господу, у Ивана Ефимьевича всего этого в достатке имеется.

— И я Гришке всё перескажу, диакон Андриан! — внезапно подал голос чернявый мальчуган и в тот же миг вскочил с лавки, едва не опрокинув соседа. — Мы ведь рядом живем,

забором к забору. П-пономаревы мы, а м-меня Степаном кличут. Десяти годов от роду мне сейгот, — слегка заикаясь от волнения, добавил он.

— Истинно так, близко живем. Двор их стоит прямо напротив нашего, через дорогу, — подтвердила сидящая рядом с Федосьей женщина, ласково глядя на кудрявого черноглазого паренька. — Меня родители Марией нарекли. А ребятишки наши неразлучны, всё вместе рыбу на Сухоне удят. Степку моего Бог памятью не обидел. Всё расскажет Грише: и наставления твои, Андриан, и правила. Ты уж в том не сомневайся.

— Я тоже ему поведать могу, — не выдержал Авдей Пластинин, подавшись вперед. — Мы вместе на реку ходим — и Гришка, и Степка, и я.

Цеица ненадолго замешкался, поглаживая рыжую бороду и силясь вспомнить, на какой мысли оборвалась его речь.

— Хорошо, хорошо, соколы... Стало быть, шестеро у меня сейгот учеников в горнице будет. Всех ли ты в список занес, Калина?

— Всех до единого, диакон Андриан, — гордо ответил мальчишка и протянул учителю церу, испещренную неровными каракулями по темному воску.

— Добро. Так вот, слушайте мой главный наказ, — голос священника зазвучал торжественно. — Хотелось бы мне, чтобы ученики мои читали и почитали не только батюшек с матушками, но и давних своих предков. Тех самых, от коих берет начало ваш род. Без знания истории государства нашего, как и без почитания тех, кто дал вам саму возможность дышать и служить Богу, нет у Руси будущего. А посему каждому отроку надобно ведать дедов и прадедов своих. Помнить, откуда ваши родоначальники, где землю пахали и кому службу несли. Вот и постарайтесь в Наумов день поведать мне о них — кто сколько разузнать сможет. Богу иной раз и малого довольно, ежели за тем малым истинное старание и усердие стоят. А родители и старики ваши в этой Божьей просьбе станут вам первыми помощниками.

Священник обвел пристальным взором притихших детей и, обратившись к их матерям, добавил вполголоса:

— Приоткрою вам и мою тайну. Я много лет внимательно читал старые свитки об истории нашего городка и о людях его, и ныне продолжаю по крупичкам собирать. Ежели нужда возникнет, то рассказы отроков я и своими познаниями дополню. Вот с памяти родовой мы и начнем нашу учебную зиму.

— И нам, диакон Андриан, тоже про дедов сказывать надобно? — поднявшись и шмыгнув носом, озадаченно спросил Калина.

Диакон строго взглянул на мальчика и с укоризной заметил:

— Видно, летнее солнце на твою память, Калина, худо действует, всё из головы выветрило. Тебе, отрок, напомним, а всем новеньким вперед наука будет: прежде чем говорить что-то али спрашивать, вы станете поднимать руку вверх. А я уж, ежели сочту надобность, дам дозволение.

Мальчишка понуро опустил глаза и тихонько присел на край лавки.

— О родоначальниках знать должно всем без исключения. В прошлом году я вам такого задания не давал. А сейгот даю, — уже мягче добавил Андриан. — Ну, вот и всё, о чем я хотел с вами потолковать. Интересно мне было на будущих учеников взглянуть да на вас, матушки. Может, кто спросить о чем желает? Спрашивайте, я послушаю и отвечу с Божьей помощью.

Первым нетерпеливо вскинул руку Авдей Пластинин.

— Ну, говори, отрок, слушаю тебя, — кивнул Андриан.

— А ежели я и так ведаю, диакон Андриан, отчего нас Оськичами кличут? И как звали дедку моего самого что ни на есть древнего, тоже знаю. То мне, выходит, можно в Наумов день не приходить? — с надеждой в голосе спросил Авдей.

— Во-первых, приходить надобно всем, — наставительно произнес учитель. — А во-вторых, то, что ты уже кое-что знаешь, дело хорошее. Но попытайся разузнать поболее того.

— А чего пытаться? Я у бабки своей выпрошу, она у нас ровно летопись ходячая — всё обо всех помнит. И про соседей все знает и про нас.

— Хорошо, узнай у неё всё досконально. Вот первым обо всём и расскажешь. Договорились?

— Ага! — радостно согласился Авдей и присел на лавку.

Андриан вновь обвел взором прихожан и остановил взгляд на рыжем, удивительно похожем на него самого в юные годы мальчугане. Тот, недолго думая, взметнул вверх сразу две руки.

— И тебя слушаю, Миша. Только две руки подымать вовсе не обязательно, я и с одной всё примечаю.

— Диакон Андриан, так у меня и вопроса сразу два! — вставая из-за стола и поправляя пояс, выпалил Мишка Чупров.

— А ну, коли так, — Андриан попытался спрятать улыбку, поглаживая бороду. — Но всё одно две руки тянуть, нужды нет. Ну, выкладывай свои заботы.

— Первый вопрос: сколько годов нам в учениках томиться? Тятя мой сказывал, что учиться надобно, покуда дышишь. И вот еще что... В Дымковской слободе брат мой двоюродный живет, дядькин сын младший. Давайте и его в школу возьмем? Он парень хороший, не пожалеете!

Диакон негромко кашлянул в кулак, прикрывая лицо, дабы снова никто не приметил его широкой улыбки.

— Отвечу тебе, Миша, по порядку. Прав Карп Захарьевич: истинному христианину учиться надобно всю жизнь, до последнего вздоха. Но что до начальной грамоты, коей я вас наставлять стану, тут всё иначе. Тут уж кому как наука в ум ложиться будет. Одному легко дается, ровно песня поется, другому — тяжело, со скрипом. Однако ж все зимние и весенние месяцы за книгами просидеть придется. Как наступит травень, все свободны станете. В первом моем наборе Никитка Соколов был, так он за полторы зимы всю премудрость освоил. А был иной ученик, тот три зимы кряду выходил, а считать так и не научился.

— И чем он ныне промышляет? — не утерпел спросить любопытный Мишка.

— Кто именно? — не сразу понял Андриан, сбитый с толку напором мальчика.

— Ну, тот самый отрок, что за полторы зимы всю науку освоил.

— Бог весть, — честно признался Андриан и малость смутился. — Пути Господни неисповедимы, за всеми не уследишь.

— В Сибирь он с родителем подался, — подала голос Мавра. — Парню еще и восемнадцати не стукнуло, когда они с отцом к Сёмке Дежневу примкнули. Сказывают люди, что и сейчас они с ним по белу свету скитаются и новые земли ищут.

— К самому Семёну Дежневу? — уважительно переспросил Андриан.

— К нему, батюшка, к нему, — подтвердила Мавра. — Люди, из-за Камня вернувшиеся, баяли, будто они вместе с казаками с тамошнего инородного люда ясак собирают да моржовую кость добывают.

— Ну, коли Богу так угодно, стало быть, и там грамотеи надобны, — рассудил Андриан. — Хотя в наших краях из него служилый человек вышел бы знатный.

— А Тришку-то... брата моего, можно к вам привести? — снова ввернул Мишка, не желая отступаться от своей задумки.

— Да не слушай ты его, диакон Андриан! — поспешно вступилась Мавра, легонько шлепнув сына по плечу. — Тришке тому всего пять годков миновало, а «хороший» он только когда спит! Намедни кота соседского на вековую сосну так загнал, что тот бедный два дня слезть не мог, на весь посад голосил!

Андриан понимающе развел руками:

— Вот тебе и ответ, Миша. Подрастет малый, перебесится, баловаться перестанет — вот тогда и поглядим. Ты к тому времени ученье свое, даст Бог, завершишь, и место на лавке как раз освободится.

— А розги-то где у вас припрятаны? — с чисто бабьим практицизмом поинтересовалась мать Авдея, оглядывая углы горницы. — Что-то не вижу я инструмента. Мой-то Авдейка без острастки ученье вряд ли усвоит, больно непоседлив. Коли нужда имеется, так я и гороху мешочек добрый принесу, чтобы на коленях стоять.

Священнослужитель вновь смиренно развел руками.

— Я, признаться, не великий сторонник телесных мучений, но березовых виц к зиме всенепременно наломаю. Вот здесь, — он указал на темный угол подле массивных дверей, — в осиновом ушатике с водой они стоять и будут, дабы гибкость не теряли. Надеюсь, правда, что вода та сто раз высохнет прежде, чем они нам по-настоящему понадобятся. А горох, ежели кто из отроков заслужит в углу поразмыслить, у моей матушки завсегда в закромах найдется.

В этот миг едва слышно скрипнула входная дверь, и в горницу мягко вошла Пелагея. Истово перекрестившись на образа, она остановилась чуть позади мужа, сложив руки на животе.

— А ты, Петровна, аккурат вовремя, — облегченно вздохнул Андриан. — Коли вопросов более нет, вы, чада, ступайте во двор, там матушек дожидайтесь. А они еще недолго задержатся.

Когда за последним недорослем захлопнулась тяжелая дверь, Пелагея поравнялась с мужем.

— Давайте, соседushки, обсудим, чем и как чад ваших кормить станем во время долгого зимнего сидения. Расскажу я вам, что приносить с собой желательно, а чего вовсе не след из провизии давать, — проговорила она, вопросительно глядя на Андриана.

Тот согласно кивнул и плавно отступил к выходу.

— А я на том с вами стану прощаться. Живите с миром, в добром здравии да в согласии с совестью, — напутствовал он женщин и, осенив всех широким крестным знамением, вышел из покоя.

Глава вторая

7161 лето от сотворения мира/1652 год от Рождества Христова/

Первый по-настоящему зимний день выпал на самую середину недели. Главный курпетух на широком подворье купца Леонтия Гавзова подал зычный голос из теплого, пахнущего прелым сеном курятника ровно за два часа до того, как солнце должно было показаться над городской стеной. Каким образом птица определяла срок и понимала, когда именно надобно оглашать округу, Сёмка Гавзов до недавней поры не ведал, да и вовсе не задумывался о том. Кукарекает Горлан, как прозвали в семье Гавзовых самого старого и крикливого петуха, ну и пускай себе кукарекает, дело привычное.

Подлинную цену петушину крику Сёмка узнал от бабки лишь прошлой осенью, когда впервые стал собираться на учебу к отцу Андриану. Учитель строго наказывал, дабы ученики являлись к занятиям за час до восхода светила. «А как его, тот час, упредить, ежели железные часы на колокольне Вознесенской церкви начинают отсчет времени лишь с появлением первого луча?» — в сомнении размышлял тогда новоиспеченный ученик. Прознав о внуковых терзаниях, бабка Сёмку успокоила. Она поведала, что их Горлан первый раз подает голос в курятнике аккурат за два часа до рассвета. И никакие погодные причуды и непогодь на него не влияют. Будь на дворе хоть несусветная жара, хоть крепкий мороз, Горлан свое дело знает крепко и начинает голосить всегда в одно и то же время.

Сёмка переступил порог дома, едва петух известил посад о приходе нового дня. Мальчик остановился на крыльце и зябко поежился, вдыхая колючий воздух. В одной руке он сжимал небольшой тряпичный узелок, а другой придерживал на плече лямку котомки. Глаза быстро привыкли к густым предутренним сумеркам. Благодаря свежевывавшему пушистому снегу, темень не казалась совершенно непроглядной, позволяя различить темные очертания дворовых построек.

Утренняя заря едва забрезжила, приметно подсвечивая розовым цветом кромку темного неба со стороны Сухоны-реки. Втянув свежий морозный воздух, перемешанный с горьковатым запахом печного дыма от посадских изб, Сёмка сладко потянулся, окончательно прогоняя остатки сна. Со стороны Торга сквозь щели в высокой дворовой ограде пробивался яркий свет ночного огнища. Подобные же отсветы сторожевого зарева, словно светильники, шли и со стороны Леонтьевского конца, и от Спасских ворот.

Двор купца Леонтия Яковлевича Гавзова располагался в довольно удобном во всех отношениях месте. На самом берегу Сухоны, у еще крепкой крепостной стены, купеческое хозяйство соседствовало с Никольской церковью и воеводским двором. С другого края оно примыкало к небольшой площади перед Троицким храмом. В двух шагах шумели Гостиные дворы, да и весь Торг с его бесконечными рядами и лавками находился под боком. Тут же брала начало улица Гулыня. Улиц с таким названием в городе было две, и, дабы не путаться, горожане ту, что упиралась в стены Спасской обители, прозвали Гулыней Спасской. Другая же, ведущая от Варваринской площади к воротам Острога, звалась просто Гулыней.

Немного досаждали лишь крикливые посетители кабака, стоявшего позади подворья у Никольских ворот, но на то Гавзовы закрывали глаза. Питейное заведение принадлежало родному брату Леонтия Яковлевича, а потому на неудобства от голосистых завсегдатаев забега-ловки в семье внимание старались не обращать.

Сбежав с крыльца, Сёмка с досадой отметил, что наступивший день Наума Грамотника мало чем отличается от дня вчерашнего. Нога в сапоге утонула в снежной вате по самую щиколотку, и Сёмка тут же отступил назад на сухое дерево. Опустив на крыльцо узелок, он скинул с плеча холщовую суму, вытащил из сапог штанины и плотно натянул их поверх голенищ, дабы снег не набился внутрь. Судя по высыпавшим на небе звездам, туч заметно поубавилось, но его никак меньше не стало. Напротив, за ночь намело столько, что двора было не узнать. Мальчишка это сразу почувствовал, едва сошел с последней ступеньки. Накануне они со старшим братом Борисом до седьмого пота расчищали дорожки, а ныне всё выглядело так, будто и не махали они лопатами полдня кряду.

Почти весь месяц небо было плотно затянуто свинцовыми тучами, и досаждали метели. Может, и выдавался когда ясный погожий день, но Сёмка его в суете не приметил. Ему и вовсе казалось, будто не бывало и часа, чтобы не приходилось брать в руки тяжелую лопату и не грести бесконечные, надоевшие заносы. Белые валы вдоль тропинок выросли уже Сёмке по самую шею, и вчера пришлось немало попотеть, перекидывая свежий снег через эти горы. Окончив дело, Сёмка раздраженно воткнул лопату в сугроб, с тайной тоской размышляя о том, сколько еще работы привалит, когда в Устюг придет настоящая, лютая зима. С первыми холодами отец строго предупредил сыновей, что сейгот расчистка дворовых дорожек это их прямая забота. Сёмка было заикнулся о предстоящей учебе, надеясь на поблажку, но родитель был непреклонен. Леонтий Яковлевич лишь сухо отрезал, что в таком случае им с братом просто надобно вставать много раньше либо ложиться позже, дабы и по дому справиться, и к учителю успеть.

Борис был на три года старше Семёна и завершил книжное учение как раз тогда, когда младший брат его только начинал. Учился он у того же отца Андриана. Наставник лестно отзывался о Борисе, хвалил его острый ум и склонность к иноземным говорам. Андриан даже советовал Леонтию Яковлевичу продолжить обучение старшего сына, но купец к словам клирика отнесся прохладно: в ту пору он посчитал, что лишняя премудрость торговле только помеха.

Эту зиму Борька помогал дядьке в соседнем кабаке. Мыл там дощатые полы, скоблил посуду да таскал из дома тетkiны «заедки», что та готовила для проезжих гостей и заезжих ярыжек. Впрочем, отец уже сменил гнев на милость, и следующей весной хотел отправить Бориса в Москву, дабы тот продолжил учение в греко-латинской школе при церкви святого Иоанна Богослова. Посему Борьке ныне ни свет, ни заря вскакивать нужды не было, и свою долю двора он мог неспешно вычистить в любое удобное время.

Сёмка рассматривал окрестности недолго. Он скинул исподки, снял с головы колпак и распахнул зипун. Взяв лопату, мальчишка выставил ее впереди себя и, разгребая свежесыпавший снег по сторонам, быстрым шагом пошел с ней по дорожке. Достигнув главных ворот ограды, он развернулся и направился обратно. Постепенно сместив снег к сугробам, принялся кидать его через них. Сёмка изрядно вспотел, когда расчистил главную дорожку двора. Небо постепенно светлело, меняя темный черный окрас на приятный глазу сине-голубой цвет.

Горлан подал голос снова, словно предупреждая о незаметно пролетевшем времени. И вскоре ожил городской петушинный хор. Проснулась ранняя птица из Леонтьевского конца и тут же известила о себе громким криком. Не отставали от нее и голосистые глашатаи из Городища и с Немецкой слободы, предвещая приход нового дня. Их почин подхватили другие очнувшиеся от сна посадские петухи, продолжив шумную птичью перекличку.

Тропинку к дровнику и амбару он чистить не стал. «После занятий обихожу. Все одно никто туда днем не попрется», — решил Сёмка. Оставив лопату, он подхватил сумку и направился на учебу. До двора, где жил отец Андриан, по Гулыне Спасской было не больше четверти версты. Сёмка уже много раз ходил по этой улице и знал все стоявшие на ней дома и постройки. Она была сажени четыре шириной и хорошо просматривалась до самых Спасских

ворот. Разгребая ногами дорожный снег, он миновал двор Никольской церкви и только сейчас вспомнил, что забыл дома необычную книжицу. «Вот дурья голова, — выругался Сёмка про себя. — Надо было в сумку ее пихнуть, а не в тряпице оставлять».

Книжку вместо гостинца ему привез отец нынешним летом, будучи по торговой надобности в Москве.

— Букварь, — произнес тот, протягивая ее сыну. — А по-прежнему — Азбука. По ней нынче вся Москва читать и считать учится. С ней и у тебя ученье наладится. А то «аз» и «буки» только и знаешь. Береги ее. Целую копейку отдал за тот пустяк. Мог бы заиметь курицу, а купил книжицу. Думный дьяк Илларион Лопухин, дай бог ему здоровья, уступил из своих запасов. Но о том знать кому не надобно. Сказать кому, что Леонтий Яковлевич за книжку «Всадника с копьем» отдал, так на смех подымут. А я даже две купил. Другую пожертвую отцу Андриану, чтобы отроков грамоте быстрее обучать мог. У него еще другая Азбука была, да я подумал, что и этой хватит. Да и фамилия Бурцов, что Букварь сочинил, мне доверие больше внушает.

Сёмка в тот момент не понял, о каком всаднике, да еще и с копьем отец говорил, но спустя какое-то время увидел у брата серебряную монетку с тем самым изображением.

— Тетка на Торг послала курицу купить, — с важностью пояснил Борька, показывая копейку.

Тогда-то и заметил Сёмка изображенного на ней всадника с копьем.

Оставшись наедине, он внимательно рассмотрел отцовский подарок. Книжка ему сразу понравилась. Форматом в малую осьмушку, она была вершка три в длину и в ширину не более двух. Листков в ней Сёмка рассмотрел много меньше, чем в «Часослове» и «Псалтыри», по которым отец Андриан учил их прошлой зимой буквам и словам. Позднее Борька посчитал их и сказал, что в ней немного меньше шести дюжин листов. Понравился Сёмке и кожаный корешок. Мягкий, матовый, темно-зеленого цвета, он добавлял всей книжице некоей таинственности и значимости. Произвел впечатление на Сёмку и красный цвет, коим были выделены начальные буквы и слоги. А вот картинка, на которой учитель наказывает провинившегося ученика розгами, ему не понравилась. В какой-то момент он хотел листок с ней вырвать, чтобы при виде его у отца Андриана лишний раз не было соблазна брать их в руки. Но, вспомнив, что книжка с розгами у диакона уже есть, передумал.

В какой-то другой раз он бы не стал возвращаться за ней. В конце концов, ничего бы не случилось, если бы он принес книжку на следующий день. Но в учебник был вложен листок, который Сёмка должен был показать учителю. На нем по просьбе бабки были написаны сведения из жизни его предков. К тому же уж очень хотелось ему похвастаться ею перед другими ребятами. Да и сам учебник произвел на него большое впечатление. Ему казалось, что с ним он уже не будет в числе отстающих и, несомненно, преуспеет в учении. Лишь бы не потерять ее.

Недолго думая, мальчишка повернул обратно. Книжка лежала на крыльце, где и была забыта. Сунув ее в мешок, Сёмка выскочил со двора и прибавил шаг.

Серебряных дел мастер Василий Софронович Третьяков проживал со своим многочисленным семейством в большом дворе на Вознесенской площади. Жена Анна подарила ему шестерых детей. Помимо двух сыновей было у них четыре дочки, старшей из которых сейгот исполнилось семнадцать, а младшей шел одиннадцатый год. Мишка шести лет от роду рос болезненным мальчиком, а вот старшего Калину, которому сейгот пошел десятый год, хворь с рождения обходила стороной. С ними же жили ослепшая мать серебряника Марфа семидесяти пяти лет от роду и оставшийся не так давно вдовцом отец Анны Максимовны дед Терентий.

Ремеслом и знаниями Василий Софронович был обязан своему отцу Софрону Ферапонтовичу Третьякову. Тот был родом из Великого Устюга, а вот деда его жили на берегах то ли

самой Двины, то ли на одном из ее многочисленных притоков в глухой деревне. По дошедшим до нас семейным преданиям, их предок был известным в свое время новгородским рудознатцем и имел необычное прозвище Чичуй. Как он оказался в глухих северных краях, Софрону не было известно. Знал лишь, что оттуда и перебрался когда-то кто-то из его потомков в Великий Устюг.

Софрон же, освоив на берегах Сухоны серебряное дело, вместе с семьей уехал жить в Москву. Там ему удалось достичь серьезных успехов в своем ремесле, а последние десять лет известный серебряник прослужил при Патриаршем дворе. За эти годы он смастерил много дорогих изделий и украшений. С его участием было сделано немало серебряных окладов для икон и церковной утвари, украшено замысловатыми надписями и рисунками предметов церковного обихода.

Василий долгое время работал с отцом, приобретая необходимые навыки и опыт по обработке серебра. Сердечный приступ настиг Софрона, когда ему исполнилось шестьдесят. Через месяц скончался патриарх, а избранный спустя два года на московский первосвященнический престол его преемник в работе младшего Третьякова особых заслуг не увидел и проводил его со службы. Василий Софронович не стал испытывать судьбу и, забрав семью, перебрался в Великий Устюг в дом, который в свое время оставил его отец. За двором все время приглядывали родители Анны, и после небольшого ремонта в доме вновь зазвучали детские голоса.

Весь прошлый год Василий Софронович работал над изготовлением серебряно-золоченой ризы к одной из храмовых икон на Соборном дворище. Тогда же попытался и Калину к своему ремеслу приучить. Все лето с ним провозился, пока не понял, что к этому ремеслу у старшего сынишки никаких способностей нет. Там серебряник и познакомился с отцом Андрианом, который после пожара в Архангельском монастыре служил в храме Иоанна Устюжского.

— А ты, Василий Софронович, судьбу-то не торопи. Видно, не пришло время сынишке твоему способности свои показать, — ответил тогда диакон мастеру, когда тот пожаловался на своего сына. — Бог все видит и направит мальчика на путь истинный. А пока можешь на зиму отдать мне его на обучение грамоте. С ней Калина твой без куска хлеба не останется. Ну, а коли способности к чему проявятся, то ученье тому большим подспорьем станет.

Вот и пошел после этого Калина Третьяков учиться. Склонность к тому у него проявилась сразу. Зимой одну к отцу Андриану отходил, а уже к нынешнему лету по слогам мог молитву из Часослова прочитать. К удивлению его одноклассников, как ученики меж собой называли себя за совместное поедание каши во время обеда, учёба Калине нравилась. Грамота давалась ему легко и не отнимала много сил и времени. В отличие от него, Сёмка Гавзов и дома со старшим братом занимался, и в учительской комнате не отвлекался, и старался запоминать, что отец Андриан говорил, а толку с того немного было. Буквы и слоги кое-как он запомнил, а вот чтение никак не давалось.

Сегодня Калину разбудила бабка Марфа, которая, по его мнению, совсем не спала. Вечером, когда мать загоняла детей спать на полати, она суежилась у печи, укладывая в нее березовые поленья и разводила опару для утреннего хлеба. Управившись там, старушка присаживалась к пряснице, и ловко скручивала костлявыми пальцами овечью шерсть, наматывая пряжу на веретено. Про утро и говорить нечего. Когда кто-то из семейства просыпался первым, то к тому времени ленивка, на которой она спала, была всегда пуста. В печи к тому времени уже потрескивали уложенные с вечера дрова, а сама бабка суежилась возле подошедшего за ночь теста.

Родом Марфа была с Холмогор. Там и заметил ее Софрон Третьяков. С благословения настоятеля Успенской церкви поехал он на поморскую землю. Стали на ярмарке в Устюге безделушки разные, из кости вырезанные, появляться. Уж больно они приглянулись отцу-настоятелю. Вот и захотел он при своем храме иметь такого мастера. Снарядил он туда для

обучения трех молодых людей, в числе которых и оказался Софрон. Однако, в отличие от своих дружков, вернулся он оттуда не со знаниями резьбы по кости, а с молодой женой. Правда, помимо того привез с холмогорского городища ему в подарок от настоятеля Спасского собора серебряный дискос изумительной красоты, сделанный иноземным мастером. А чтобы батюшка на него не гневался, пообещал Софрон ему, что обучится у мастеров устюжских и сделает сосуд красивее этого.

Слово свое Софрон сдержал. Марфа же родила ему пятерых сыновей, которые, за исключением младшего Василия, когда возмужали, подались в поисках лучшей жизни кто на Дон к казакам, а кто в Сибирь. Сама же Марфа следовала всю жизнь за мужем, радуя его своим присутствием, а окружающих их людей удивляла острым умом и необычным поморским говором.

С началом холодов Третьяковы, как и большинство горожан, всем семейством перебирались на зиму в боковую избу дома задворенку. Уж сколько лет состоятельные горожане новые печи без деревянных труб-дымниц и епанчей делали, да старые меняли на добротные с трубой на крыше, а Третьяковы все по старинке жили. Вроде и денежки у серебряника водились, чтобы в доме по-белому жить, да все как-то на потом откладывали, пока пожар нынешней весной не случился. Хорошо, что вовремя заметили и водой залили тлеющий потолок.

Нанял Василий Софронович мастеров для ремонта. Те за лето заменили в нем оба старых, топящихся по-черному очага на новые, с кирпичными трубами печи. Бабка поначалу была не шибко довольна таким преобразованием. За семьдесят пять лет, что жила на белом свете, она привыкла к старой, с прокопченным челом печи. Но постепенно мнение у нее изменилось, и теперь она нарадоваться печкам не могла.

— Калинка! Просыпайся, робя, — прошептала Марфа и легонько тронула внука за плечо. — Наступил Наума день, спрячь в сундук покой и лень, — слетело у нее с языка пришедшее на ум двустилие.

Шутки и прибаутки у Марфы в голове держались не хуже, чем у молодежи. Памятью старушка отличалась отменной, и услышанное где-либо словцо или фраза непременно всплывали в подходящий для этого момент. И на язык Марфа была остра и находчива, особенно когда настроение было подходящее и спина не давала о себе знать.

Старшего внука она любила. Внушек четверо росло вместе с ним и Мишка младший, а вот сердце больше всего к Калинке, как она ласково его называла, лежало. Она и сама не знала почему. Виду внешне старалась не показывать, чтобы других не обидеть. Но уж когда предоставлялась возможность, своё расположение к нему проявляла во всем. Могла утром разбудить, пока остальные спят, и любимым ребячьим лакомством — пенкой с топленого в печи молока накормить и потом снова спать уложить. В лес за ягодами, когда гнусу много, никогда не провожала. Вообще на что способна была, тем и пользовалась, чтобы Калинку побаловать. Девчонки вроде и ладны собой были, и покладисты, и лицом не дурны. Мишка рос заботливым и ласковым мальчуганом. Но худощего белобрысого Калинку она любила больше всех.

Вот и сегодня уже ему и мешочек с едой, что с собой взять на учебу, приготовила. Не забыла и сладенький леваш из брусники положить. А чтобы есть его легче было, порезала на кусочки. Сапоги просушены, у порога стоят, ученика дожидаются. Тулупчик овчинный у печи греется. На Торг специально осенесь ходила и десять копеек за него отдала. Денег, что на похороны себе откладывала, не пожалела для такого дела. Хоть и великовата одежонка, да все получше сермяжного зипуна. Прошлую зиму в нем к отцу Андриану всю выбегал. Хоть и недалеко до двора священника, да все одно не раз домой озябший приходил. Анна Максимовна видела ее излишнюю заботу о внуке, сердилась на мать, а та молча слушала и делала по-своему.

— Ага, — буркнул потревоженный Калина, открывая глаза. — Уже слезаю.

Он аккуратно, чтобы не потревожить младшего брата и сестер, спустился на пол и, сунув ноги в первые попавшиеся башмаки, прошел к шестку. Марфа уже ждала с подогретой водой и помогла внуку умыться.

— Ты долго-то, Калинка, не сряжайся. Сам знаешь, отец Андриан опозданий без причин не любит. Нынче он на другую степень священства заступил. В попы поставлен, потому уважение к нему намного выше должно быть, особенно от его учеников. Ты давай ешь. Каша на столе. Киселем запей и ступай. Время уж то, какое надобно.

— А тятя с матушкой где? — поинтересовался Калина, косясь на пустую родительскую кровать.

— Так то не знаешь будто? Поехал твой тятя с настоятелем Успенского храма к митрополиту Ростовскому по богоугодным делам. Собор каменный строят, а украшать церковное убранство серебром все одно надобно будет, — ответила бабка, укладывая на приступок у ленивки одежду внука.

— А-а-а, вспомнил, — протянул Калинка и принялся за кашу. — Опять полба?

— Как ты любишь.

— Да уж, — буркнул внук, с неохотой запихивая варево в рот.

Когда миска была пуста, он запил все ячменным квасом, вытер рукавом рот и с удовольствием потянулся.

— Матушка с татей, что ли утянулась? — спросил он, направляясь к ленивке.

— Нет. Аннушка к Савелихе еще ночью ушла. Там Клавка разродиться всё не может. А ты не потягивайся за столом, грех это. Боженька камнем по голове-то ударит.

— А-а-а, — снова проговорил внук и стал одеваться.

— Порты на сапоги надень: ночью снег шел. День в сапогах не сиди, лапти надевай. И слушай, что отец Андриан говорит, да запоминай, — давала наставления бабка.

— Ага, — донеслось до нее уже из сеней.

Калина вышел со двора. Прикрыв калитку на заветку, посмотрел по сторонам. На Вознесенской площади догорал ночной осветительный костер. Огонь угасал, и нанятого из посадских людей караульного возле него уже не было. Площадь была пуста. Но Калина знал, что это ненадолго. С рассветом жизнь здесь оживет. Пригонят крестьяне из окрестных деревень и селений скотину. Засуетятся вокруг них животинные прасолы, торгуясь и скупая у них домашних животных и птицу.

Неподалеку у Торговых рядов стояли в шубных кафтанах два стрельца. Они о чем-то бурно переговаривались, время от времени оглашая площадь громким смехом. Со стороны таможенной избы в их сторону направлялся еще один ночной стражник. Он миновал Богословскую площадь и очень скоро оказался рядом со стрельцами. Что было дальше, Калина не видел — из-за писчей избы показался знакомый силуэт приятеля.

Мишка повернул ручку и толкнул входную дверь, но та не заскрипела и не распахнулась, как обычно это происходило. Он толкнул упрямую створку снова, думая, что та примерзла. И на этот раз ничего не получилось.словно кто ее гвоздями к косякам приколотил. В сенях было темно. Мишка не стал отчаиваться и решил выбраться на улицу через поветь. Спотыкаясь о стоящие на полу кадушки, он на ощупь добрался до лестницы, ведущей на сеновал, и стал взбираться. Добравшись до верха, размотал веревку, что удерживала створку, дабы та не открывалась, и толкнул ее вперед.

Странное дело, но створка не поддалась и осталась на месте. «Кто-то подпер ее с той стороны», — мелькнуло у него в голове. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить никого в доме, он спустился в сени, сообразил, где находится дверь в избу, и, выставив вперед руки,

направился к ней. Но и тут его ждало разочарование: дверь оказалась запертой. Мишке стало не по себе.

Он шагнул в сторону двери, что вела в уборную. В конце концов, можно и через нее на улицу выбраться. Мишка нащупал створку и стоял так какое-то время, боясь ее открывать: вдруг и она не поддастся? «Неужели отец решил меня не пускать к отцу Андриану?» — пронеслось у него в голове. Ему стало жарко. От подступившего волнения вспотели ладони, и Мишка, машинально вытерев их, потянул дверку на себя. И она стала открываться. «Ну, Слава Богу! А то уж я стал думать, что мне все это снится», — усмехнулся он про себя и пошел вдоль стены к отхожему месту. Ему удалось сделать несколько шагов, как вдруг сзади его окликнули.

— Миша! Миша! — узнал он голос матери.

Темнота стала постепенно рассеиваться. Чупров широко раскрыл глаза и увидел прямо перед собой ее лицо.

— Ты чего? Весь искрутился! — взволнованно спросила Мавра Семеновна.

Мишка заморгал глазами, пытаясь сообразить, что происходит.

— Приснилось, поди, чего? — поинтересовалась мать.

— Ага, — несколько приходя в себя, тихо произнес мальчишка.

Сердце от ночного видения бешено колотилось в груди. Он слез с ленивки, сунул ноги в стоящие тут же растоптанные башмаки и в чем был выскочил из избы в уборную. Оказавшись в сенях, мальчишка бросил взгляд на распахнутую дверь сеновала и с облегчением вздохнул. «Приснится же такое», — успокоившись, отметил про себя Мишка и поспешил по своим надобностям.

— А я слышу, что ты крутишься и крутишься. Думаю, надо разбудить. Да уж скоро и так тебе к отцу Андриану. Помнишь ли? — проговорила Мавра, когда сын вернулся.

Мишка ничего не ответил. Похлопал себя по озябшим плечам и стал умываться.

— Отец уже ушел. Работы у него нынче много, а вчера еще сам воевода к нему приходил и срочным делом его обязал. Будто других кузнецов в городе нет, — ворчала Мавра, заправляя конопляным маслом небольшую лампадку.

Карп Захарьевич Чупров хотя и молод был годами, но слыл среди селян кузнецом грамотным и умелым. В отличие от многих других семей, где дети перенимали ремесло у родителей, скорняком он не стал. И не потому, что супротив воли родительской пошел. Просто, когда время пришло Карпу уму-разуму учиться, отца у него не стало и перенимать родительское дело стало не у кого.

Жили они в те годы в небольшом поселении Лальск, что в полусотне верст к востоку от Великого Устюга. Там дед Карпа Герасим оказался после того, как пристал в Устюжском посаде к беглецам из Великого Новгорода. Те спасались после учиненных там погромов опричными войсками царя Ивана Васильевича. В поисках лучшей доли и ушел Герасим с ними на новые земли. По реке Юг шли, пока место подходящее не приглянулось. Там родился и начал свой путь скорняка отец Карпа — Захарий Герасимович. В Лальске родился и сам Карп.

Появилось со временем у мальчишки желание стать служителем церкви. Правда, жил он с ним недолго. Не суждено было сбыться мечте. Карпу было двенадцать лет, когда в их доме случился пожар, из которого родители не смогли выбраться. Их же с сестрой чудом спас местный священник.

Тем же летом забрал ребятишек в Великий Устюг родной брат отца — дядька Потап. Жил он со своим семейством в Дымковской слободе, что образовалась на другом берегу Сухоны от Устюжского посада. Был у него сын Савелий, ровесник Карпа, с которым вместе они и росли. От дядьки Карп узнал, что их предки не все время жили в Устюге. Лет сто, а может, чуть больше того назад пришел туда Мокейка Лапич по прозвищу Чупра. Откуда пришел — никто не знает. Кто-то говорил, что он из двинской деревни на Сухону подался, а кто сказывал, что из самого Великого Новгорода приехал. У дядьки и обучился Карп кузнечному ремеслу. Когда же

время подошло жениться, то перебрался Карп в Пёсю слободу, где у отца будущей Карповой жены была свободная старенькая изба. Позднее они поставили рядом новый дом. В нем, а вернее, в баньке, что стоит на берегу ручья рядом с домом, и появился на свет Мишка со своей единственной сестрой Анной. Сколько бы родители ни молились и ни просили Бога, больше детей у них не было.

— Ты чего ишь будешь? Щи вчерашние теплые. Карп поел маленько перед уходом. Или кашицы пшенной в подмогу положить? — спросила Мавра, ставя на стол светильник. — Светает нынче долго. В потемках пойдешь, так один не ходи. Дождись кого. Все одно с Мироносицкой на Торг люди пойдут, — беспокоилась мать.

— На площади у кабака костер жгут завсегда, Посад видно. А там тоже небось светят.

— Жгут-то жгут, только... — мать посмотрела на сына и замолчала.

— Матушка, а коли я в темноте выхода не могу найти, то что это значит? — спросил Мишка, усаживаясь за стол.

Обычно утренние сны у него быстро забывались. Зачастую это происходило сразу, лишь только он открывал глаза. Но в этот раз видение все не отступало, держало за душу.

— Матрена с Савелием Потапычем должны прийти. Они нынче у Дмитриевской башни насад свой причаливают. К нам привернут, вместе и на Торг пойдем, — словно не слыша сына, проговорила Мавра. — Так тебе шей?

— Я про выход спрашивал! — чуть повысил голос на мать Мишка.

— То у тебя костры светят, то ты выхода не видишь, — вздохнула Мавра. — Щей налью?

— Налей. Но я про сон спрашивал, а не про дорогу в Посад. Тебя же тетка Матрена сны разгадывать учила, — еще настойчивее проговорил Мишка.

Матушка огонь в лампадке убавила, сходила к печке и вернулась с миской щей.

— Я тычусь в сених в разные стороны, а все двери заперты. Хорошо, ты разбудила, а то что-то совсем мне там было не по себе, — не унимался Мишка.

— Ну, тут тебе тревожиться не о чем. То в тебе беспокойство знать дает. Видно, про учебу много думал и волновался. Отец Андриан Карпу сказывал, когда тот последний раз у него был что ты способный к ученью. День-другой сходишь к нему, и все двери в сених откроются, — успокоила его мать.

Оказавшись на улице, Мишка остановился и посмотрел в сторону Сретенско-Владимирской площади, неподалеку от которой находилась отцовская кузница. Среди двух десятков подобных мастерских, что расположились на Мироносицкой площади, была она всех просторнее и дельнее. В помещении в четыре сажени в длину и столько же в ширину размещалось три горна и столько же мехов и наковален. Помимо самого Карпа с подмастерьем, там трудились два подручных и кувалдобоец, которых Чупров время от времени нанимал в соседних слободах. После непродолжительного обучения они уже вполне могли самостоятельно изготавливать простые кованые предметы, а со временем делали и более сложные цепи, кольца и даже оружие. Потому, в отличие от кузнецов-одинок, его мастерская выполняла гораздо больше городских заказов, получая за них солидный доход. Когда поднаторевшие мастера начинали трудиться самостоятельно или просто уходили, Чупров их не удерживал и брал на работу новых работников, благо желающих трудиться у преуспевающего кузнеца было немало.

Сквозь приоткрытую дверь кузницы был хорошо различим идущий от горна свет. Мишка любил находиться в кузнице отца. Нравился ему дух угарный, от жаркого угля исходящий. Он с удовольствием вдыхал аромат горячего металла. Ему доставляло удовольствие смотреть на то, как твердое железо становится податливым в руках умелого кузнеца и из него получаются нужные вещи. Мишка до последнего надеялся, что вместо того чтобы постигать грамоту у отца Андриана, отец возьмет его к себе, чтобы учить кузнечному делу.

А вот у Карпа Захарьевича на этот счет было другое мнение. Ему очень хотелось, чтобы его сын стал священнослужителем. Все время помнил он о своей детской несбывшейся мечте и о том, что жизнью своей они с сестрой обязаны были именно священнику. Если уж ему самому не суждено было к престолу Господню приблизиться, то пусть сын Мишка сделает это. Потому была у него с отцом Андрианом тайная договоренность, что обучит он Мишку грамоте, а позже посодействует тому в получении духовного чина. Вот и помогал Карп попу в силу возможностей в хозяйственных и иных делах.

Мишка с тоской вглядывался в свет, проступающий сквозь открытую дверь отцовской кузницы.

— Ты чего тут застрял! — слышался голос матери.

— Да иду я, иду, — отозвался Мишка.

Он тяжело вздохнул и отправился к мосту, что вел через ручей к Торгу. Он оказался не единственным, кто в это время направлялся в Посад. Кабацкие ворота в острожной осыпи уже давно не закрывались. Опора-верей от гнили уже не держали тяжкие затворы, и от греха подальше их недавно убрали совсем. Поначалу хотели проем привести в порядок, но шло время, а створки так и стояли в стороне, постепенно приходя в негодность. Да и запирать их теперь было незачем и не от кого. И вообще в городской стене к тому времени из восьми ворот исправных осталась лишь половина.

С наступлением морозов мост через овраг был на ремонте, и через замерзший ручей было перекинуто несколько широких тесниц. Спуск к нему был раскатан вездесущей ребятней, и Мишка не преминул этим воспользоваться. Скотившись вниз, он едва не врезался в решившего справиться нужду лохматого пса.

— Филя, ты чего на дороге расставился! — прикрикнул Мишка на успевшую отскочить в сторону собаку и, отряхнувшись от налипшего снега, проворно пробежал на противоположный край оврага.

Оказавшись за Кабацкими воротами, он свернул к Писчей избе. Миновав ограду Вознесенской церкви, он издали заметил Калину Третьякова и, прибавив шагу, направился к нему.

— Здрав будешь, Калинка. Молодец, что подождал. Не шибко мне нравится в потемках бродить. Тятя сказывал, что недавно опять ночные тати кого-то обобрали, — проговорил Мишка, поравнявшись с Калиной.

— Здоров, Мишка, — похлопал подошедшего мальчишку Третьяков. — То-то я гляжу, ты с охраной сегодня, — усмехнулся он, кивая тому за спину.

Чупров недоуменно посмотрел на приятеля и оглянулся.

— А-а, Филька-то. Все-таки увязался за мной, паршивец. Из-за него чуть на мостки задницей не въехал.

— Я вчера там катался.

Калина взялся рукой за Мишкин колпак, приподнял и опустил обратно.

— Ты чего! — возмутился тот.

— Показалось, что матушка тебе все-таки космы огненные обкорнала, а нет, все на месте, — хихикнул Калинка. — Ладно, пошли. Не дай Бог опоздаем, тогда отец Андриан заставит читать молитву до самого восхода.

Они миновали Вознесенскую площадь и, протиснувшись в узкий проход между посадскими избами, вышли к земским дворам. Тут, на Варваринской площади, повсюду виднелись поленицы и кучи колотых дров и бревен, привезенных для торговли волостными крестьянами. На свободных пятачках лежали не проданные накануне кипы сена и соломы. Лавируя между ними, приятели прошли с полсотни сажень и, оставив позади Варваринку, очутились у Троицкой церкви.

— А ты чего без котомки? Али голодом учиться будешь? — поинтересовался Калина.

— Мать сказала, что снесла всё пропитание матушке Пелагие. Теперь не надо с ним таскаться каждый день, — ответил Мишка и потянул приятеля за рукав.

— Ты чего?

Чупров указал рукой на противоположную сторону площади, в сторону Гулыни Спасской.

— То Каланча, кабыть, — вглядываясь в темный силуэт, проговорил Калина. — Прибавим ходу, так догоним.

— Кто?

— Сёмка Гавзов. Я его Каланчой зову. Мы с ним учились прошлую зиму вместе, — ответил Третьяков и сорвался с места.

Они в один миг пересекли улицу и оказались у Гавзова за спиной.

— Эй, Каланча! Ты куда так спешишь?

Знакомый звонкий голос заставил Сёмку остановиться. Обернувшись, он увидел шагах в двадцати у калитки улыбающегося Калину Третьякова с незнакомым сверстником. Мальчишки были примерно одного роста, только спутник Калины оказался заметно шире в плечах. В утренних сумерках лицо парня толком разглядеть не удалось, но Сёмке оно показалось знакомым. Вот только где он видел его раньше, сразу припомнить не смог.

Он шагнул навстречу приятелям. Поравнявшись с ними, кивнул на Чупрова и спросил:

— А это кто?

— Привет, Каланча! — вместо ответа весело отозвался Калина. — Гляжу, ты никак в сажень вытянулся? Али подклейки к подошвам приладил? — смеясь, добавил он.

— Ну, ты, Жаравица, и язва! Гляди, кто-нибудь язык-то тебе укоротит, — огрызнулся Гавзов.

— Да ладно, ладно, Сёмка. Потехи ради сказал, а ты уж ершиться стал. Ты чего бегаешь туда-сюда? То из дому, то обратно...

Сёмка молча махнул рукой и принялся рассматривать попутчика.

— А-а, — протянул он. — Ты же был летом у отца Андриана. Это ты две руки поднимал, когда спросить хотел? И брата своего малого еще просил грамоте обучить? Как тебя?

— Мишка Чупров.

— Точно, Мишка!

— А я тебя помню. Семёном кличут. Только почему-то после той встречи тебя в городе не встречал, — поинтересовался Мишка.

— Так и я тебя. Ты где живешь?

— На Мироносицкой.

— А-а, так я там и не бываю вовсе. А где с Жаравицей сошлись?

— Первый раз — у наставника нашего, а после я в кузню к его тятю с отцом ходил. С того и стали дружбу водить, — ответил Мишка.

— Понятно. А чего здесь идете? Почему по той Гулыне не подались? — пытал Сёмка вопросами.

— Где хотим, там и идем. Ладно, чего болтать пустое. Пошли скорее. Не хотелось бы в немилость к отцу Андриану попасть, — прервал их Калина.

По Гулыне Спасской они дошли до Рождественской улицы. Здесь все еще пахло гарью. И не мудрено: на левой стороне, сразу за перекрестком, чернело пепелище. Даже прошедший ночью снег не смог укрыть то, что осталось от избы.

— Я тут был намерен, когда полыхало, — проговорил Сёмка.

— Да, зарево даже из нашей слободы видели. А чей дом под корень ушел? — спросил Калина.

— А-а, этого... Ну, как его... Он тоже летом к наставнику приходил... — мучительно вспоминал Гавзов.

— Пономарев, что ли? — подсказал Мишка. — Степкой, кабыть, звали.

— Ага, он самый. Отец у него целовальником у земского старосты служит. Тятя сказывал, в Вологду они перебираются, как зимник по-хорошему встанет.

— А Степка? Он-то как?

— С семьей уедет, вестимо, — добавил Гавзов.

— Значит, нас останется... — Мишка принялся мысленно прикидывать. — Как пальцев на руке, — определил он.

— Может, батюшка еще кого в учение возьмет.

Они прошли еще немного и оказались у дома Цейцы. Там, где Вздыхальня упиралась в Гулыню, и стоял его двор.

— Гляди, — Калина указал на свежие отметины у входа.

— Ага. Кто-то раньше нас поспел, — согласился Сёмка, рассматривая отпечатки на снегу.

Вереница из двух пар следов тянулась со стороны Вздыхальни. Миновав раскрытую подворотню, приятели вошли во двор.

Про своего отца и деда Авдей Пластинин знал лишь самую малость, гораздо меньше, чем о дальних родственниках. Родители о себе говорить не любили, а он и не спрашивал. Редко кого в семь-восемь лет интересуют чужие судьбы. Зато о своих пращурах он знал немало. И не из любопытства ради о них выяснял, просто о тех временах частенько рассказывала бабка Агафья. Сказывала о них вместо сказок, когда спать внука укладывала. Вспоминала, когда настроение было хорошее или кто из домашних попросит. Откуда она все это знает и правду ли говорит или что-то сама придумывает, Авдей не ведал. Главное, что сказания старушки, которой шел уже седьмой десяток, ему нравились. Ее рассказы были настолько красочны и увлекательны, что он теперь ясно представлял, где и как жили его предки много веков назад. А вот свою семью воспоминаниями она обходила стороной. То ли от казавшейся ей незначительности их жизни, то ли от природной скромности, а может, и еще по каким причинам.

Но кое-что об отце и деде к своим восьми годам Авдей все-таки уяснил. От бабки он узнал, что детство его отца, будущего иконописца Савватия Ермиловича Пластинина, прошло в Колмогорах. Далекie от Великого Устюга посадки раскинулись на несколько верст на месте бывших чудских деревень по одному берегу Двины. Рассказала Агафья внуку и о Студеном море, в которое через семь десятков верст впадает та река, и о людях, что там живут.

От Агафьи Авдей узнал, что дед его, Ермил Прокопьевич, был человеком грамотным и долгое время служил целовальником в Колмогорской таможенной избе. На службе той отличался он усердием и исполнительностью, что не осталось не замеченным тамошним воеводой. С его позволения в возрасте тридцати пяти лет Ермил возглавил таможенную избу, взяв на себя ответственность за внутреннюю и внешнюю торговлю на Севере Российского царства. В его подчинении оказались целовальники, подьячие и переводчики всего Подвинья, включая таможенную Архангельского города и прочие государственные места.

Контроль за таможенными и кабацкими пошлинами отнимал у молодого руководителя так много времени, что его порой подолгу не видели дома. Как бы то ни было, в семье в том же году случилось прибавление. У новоиспеченного двинского таможенного головы наконец-то родился сын Савва — первый и единственный мальчик среди сестер. Старшие дочери особых склонностей, помимо девичьих занятий, не выказывали. А вот у мальчишки способности к рисованию проявились еще в раннем детстве. Вытащив из печки остывший уголек, Савва раскрашивал им всё вокруг, пока однажды отец не выпорол его за испорченные стены. Однако

вскоре Ермил пожалел о своей вспыльчивости, приласкал мальчика и просил в другой раз рисовать лишь на деревянных дощечках.

Рассказала бабка внуку и о том, что дед Ермил был человеком не только работающим, но и предусмотрительным, храбрым воином. По ее мнению, именно героизм Ермила Прокопьевича и двинского воеводы не позволил польско-литовскому отряду сломить сопротивление селян во время осады острога. По его инициативе крепость была возведена незадолго до появления неприятеля. В ней спасли свои семьи посадские люди и крестьяне из близлежащих деревень. В том самом остроге трехлетний Савва, увидев застрявшую в окне их дома стрелу, впервые взял в руки уголек и начертил ее на полу.

Спустя какое-то время зашел к Ермилу Прокопьевичу священник Воздвиженской церкви. Он обратил внимание на маленького Савву, который с усердием выводил на дощечках замысловатые узоры. В следующий раз поп принес с собой горшок с желтой охрой и попросил мальчика что-нибудь изобразить. Перед уходом он взглянул на работу и не преминул заметить, что при должном обучении из мальчугана может получиться хороший художник-личник.

Ермил Прокопьевич не воспринял тогда всерьез слова священнослужителя, сочтя увлечение сына детской забавой, которая со временем пройдет. В семь лет он отдал Савву в учение грамоте при одной из тамошних церквей. Отец надеялся, что ежедневные занятия не оставят мальчику времени на рисование. Каково же было его удивление, когда спустя время ему показали дощечку, на которой был изображен лик одного из святых отцов. Оказалось, что посещение храма не прошло бесследно: увиденные иконы так подействовали на Савву, что вместо написания букв и слогов он изображал то, что видел в церкви. Работа вышла так хороша, что отец с трудом поверил, будто выполнил ее восьмилетний сын.

Прошло три года. Обучившись грамоте, Савва стал помогать местному мастеру в оформлении церковной утвари. К пятнадцати годам ученик перерос своего наставника, и тот посоветовал таможенному голове отправить сына обучаться мастерству в большой город. Ермил Прокопьевич никак не хотел расставаться с единственным наследником и тянул с решением, надеясь, что тот все же выберет иное занятие. Однако молва о способностях юноши быстро разошлась по всем Колмогорам. В один из дней двинской воевода вызвал к себе Пластинина и посоветовал отправить Савву постигать иконопись в Великий Устюг, где настоятелем в одном из храмов служил его родной брат.

Просьбу воеводы Ермил воспринял как приказ, и вскоре Савва оказался в учениках в Михайло-Архангельском монастыре. Минувло несколько лет, и отрок Савва превратился в Савватия Ермиловича — искусного личника. Именно образы и фигуры небожителей получались у Пластинина лучше всего. В двадцать два года он решил было вернуться в родительский дом, однако этому не суждено было сбыться. Моровое поветрие, свирепствовавшее в тот год по всему Подвинью, унесло жизни его отца и всех сестер. Остаться в Колмогорах Агафья Фроловна не пожелала и перебралась жить к сыну.

Дела у Саввы шли хорошо, и вскоре он прослыл в Великом Устюге одним из лучших иконописцев. Слава о его успехах достигла самой Москвы, и вскоре его вместе с другим мастером, Трофимом Соловьем, стали приглашать в столицу для исполнения царских заказов. Не заставила себя ждать и женитьба. Однако с детьми у Савватия с Параскевой поначалу не заладилось. Один за другим рождались сыновья, но жили недолго и умирали в младенчестве. Позже появились на свет две дочки, а вот с наследником всё не получалось. Лишь когда известному личнику исполнилось тридцать четыре года, родился круглолицый, с карими, как у отца, глазами, Авдей.

Мальчишка, к огорчению родителя, никакого интереса к иконописи не проявлял и рос обычным непоседливым сорванцом. К семи годам мать заметила у сына необычные способности. Заметила Параскева, что сынок ее тянется к иноземцам. Вернее, не к ним самим, а к речи, на которой они говорят. Так и манило мальчика к немцам всяким. Соберутся те на Торгу,

когда с товаром пожалуют, да по-своему балакают, а мальчишка всё вокруг них вьется, слова чужие заучивает. Придет после домой и там немецким языком говорить пытается: уж больно легко он ему давался.

А еще мать видела, что любит сынишка истории разные и небылицы складные сказывать. К тому же, о чем ни поведает — во всё верилось без труда. Даже байки бабки Агафьи он мог на свой лад переиначить и складывать их, точно песни. И ведь помнил же их все, мог слово в слово спустя долгое время пересказать. Огорчало Параскеву лишь то, что в баснях своих Авдей привирал много. Но выходило это так складно, что и не поймешь, где вымысел, а где правда. «Вырастет, сказителем добрым станет, — посмеивалась бабка Агафья. — Или писарем при воеводе либо при храме будет».

Савватий богатому не по годам воображению сына особого значения не придавал и за излишнюю разговорчивость не ругал. А вот способность мальчишки сочинять басни-складушки он, несомненно, отметил. Однако с выводами спешить не стал.

— Пусть грамоте выучится сначала, а потом уж Бог даст, пойдем, что у него в голове делается, — сказал он жене нынешней весной. — Так что сходи к отцу Андриану и попроси его взять мальчика на обучение.

Жили они все эти годы рядом с Михайло-Архангельским монастырем в небольшой деревеньке с необычным названием Деревенька. Там Савватий обзавелся скромным жильем, когда еще постигал науку у монастырских иконописцев. А когда женился, то стали жить там вместе с Параскевой. Спустя какое-то время они перебрались в Леонтьевский конец и обосновались в довольно просторном доме напротив Соборного дворища. Его бывшие хозяева сошли в сибирские земли, уступив двор иконописцу за небольшую плату.

Авдей вышел на улицу. Глядя на обилие выпавшего за ночь снега, подумал, что бабке сегодня долго придется чистить дорожки во дворе. Агафья в свои годы была еще довольно крепка здоровьем и бралась за любую, порой тяжелую работу. Она и воды в баню из колодца наносит, и со скотом обрядится, если у невестки другие дела обнаружатся, да и дров поколоть ей никогда в тягость не было. А уж от снега двор вычистить — то было ее любимым занятием.

«Снега много намело, бабке будет тяжело!» — родилась в его голове складушка. Авдей, пытаясь сочинить что-то еще, не спеша направился к калитке. В этот момент в курятнике заголосил любимец бабки Агафьи. Да так громко, что мальчишка от неожиданности вздрогнул и выронил из рук мешок с харчами. Он поддел его ногой и потянулся, чтобы ухватить, но поскользнулся и, не удержавшись, упал навзничь.

— Ну, паразит! — поднимаясь на ноги, выругался мальчишка. — Ничего, скоро тебя в суп тятя пристроит.

При падении у него из-за пазухи выпал крестик и привязанная на другом шнурке небольшая костяная фигурка медведя. Авдей сунул крестик за воротник. За ним же последовал и оберег, который накануне надел ему на шею отец.

— Этого костяного мишку-оберег из рыбьего зуба сделал двинской мастер для моего отца и твоего деда Ермила Прокопьевича. По старому поморскому поверью, такой оберег охранял владельца от невзгод и болезней. Отец вручил его мне, когда я уезжал из Колмогор в Великий Устюг. Теперь ты идешь учиться, и пусть поможет тебе в том Бог, а оберег бережет от жизненных напастей.

Оказавшись на улице, Авдей посмотрел на проступающие из темноты соборные церкви и направился к приятелю, с которым накануне договорился вместе идти на занятия. Проходя мимо строящегося Успенского храма, он остановился. Повсюду лежали сложенные в кучи камни, песок, бревна и другие нужные для стройки припасы. В свете догорающего на площади перед детинцем костра каменная церковь без куполов выглядела довольно устрашающе. «Будто всадник без головы», — подумал Авдей и прибавил шаг.

У Владычного двора он свернул со Вздыхальни на Архангельскую улицу. Последний год Авдей ходил здесь часто и хорошо знал каждое место. Первый участок по правую руку не был застроен. Сразу за ним двор пустовал, а его хозяин, как выражалась бабка Агафья, сошел безвестно. Следом за пустырем и располагалось жильё приятеля. Дойдя до него, Авдей остановился. От калитки в сторону Архангельских ворот посадка вели чьи-то следы. Судя по их размеру, он сообразил, что из дому вышел взрослый человек. «Видно, Иван Ефимьевич уже на службу ушел», — решил Пластинин и толкнул калитку.

В последний день осени Гришка ждал завтрашнего утра с нетерпением и огорчением одновременно. Радостно было от того, что наконец-то наступил Наумов день, с которого начнется его учение. Уж очень хотел мальчишка грамоту освоить и, как отец, высокого чина достичь. Чтобы никто на смех не подымал, если он с рыбалки без улова вернется или в лапту проиграет. Несколько омрачало настроение то обстоятельство, что к отцу Андриану он пойдет уже не сыном земского старосты. Еще утром был им, а теперь — нет. Два года ходил он по Леонтьевскому концу, гордясь положением отца. Два лета завидовала ему посадская ребятня. Никто из сверстников, зная о высокой должности Ивана Ефимьевича, не решался не то чтобы обидеть, но даже худым словом назвать. На Сухоне рыбные места Гришки никто не смел занимать. Мальчишка искренне сожалел, что нового голову выбрали именно сейчас, перед самым началом занятий. Расстраивало его, что в первый декабрьский день предстанет он перед другими учениками просто отроком Ивана с Архангельской улицы, а не сыном главы земской избы.

У самого Ивана Ефимьевича сегодня были именины, а завтра ему исполнялось сорок два года. Накануне закончился срок его службы, и, в отличие от младшего сына, он вздохнул с огромным облегчением, когда в полдень передал полномочия преемнику. Не сказать, что работа была ему не по душе или давалась тяжело. Забот и хлопот хватало, но дело заключалось в другом. Времени на любимое занятие, приносящее основной доход, в эти годы совсем не оставалось. И если бы не помощь предприимчивой матери Марии Гавриловны да трудолюбие жены Федосьи, вряд ли Ивану удалось бы поддерживать свое ремесло на должном уровне.

В десять лет Иван остался без отца. Ефим Тихонович в последние годы плотничал — строил дощаники и каюки по заказам местных купцов. Был он человеком физически крепким, что не раз выручало его в жизни и помогало в труде. Однако в один из дней он вместе с другими плотниками вытаскивал новую лодку на крутой берег. По какой-то причине та неожиданно сорвалась, и Ефим, пытаясь ее удержать, оказался на пути тяжелого судна. Карбас он удержал, но когда подросли товарищи, замертво рухнул на землю. Было ему на тот момент всего тридцать пять лет.

Тем же летом Мария Гавриловна отдала сына в ученики устюжскому кожевнику. Ремеслу Иван обучался споро, выказывая в деле завидные способности. Когда ему исполнилось двадцать лет, он стал самостоятельно заниматься выделкой кож и шитьем обуви. Через год Иван Ефимьевич женился на дочери кузнеца, и вскоре у них родились близняшки. Дела у него шли неплохо: к тридцати годам Иван, помимо кожевенной мастерской, имел свое место в торговых рядах, где жена с матерью продавали сшитую им обувь.

Однако вскоре от неведомой хвори умерли и дочери, и жена. Горевал Иван недолго. Жизнь шла своим чередом, и вскоре кожевенных дел мастер женился во второй раз. Федосья была на пятнадцать лет моложе мужа. Через год у них родился первенец, умерший в младенчестве, а следом на свет появился Григорий. Больше детей у них до нынешнего времени не было, хотя два месяца назад Федосья поведала, что в скором времени в доме должен появиться еще один ребенок.

К сорока годам в хозяйстве Ивана Ларионова было уже несколько просторных дворов, где трудились кожевники, сапожники и поршевники. Обувь изготавливали как по заказам монастырей, так и для продажи на городском рынке. На Торгу у Ларионова имелась собственная лавка, в которой торговала Федосья. Тут же, на Богословской площади, находилась ремонтная мастерская, где чинили обувь посадских людей.

Рос достаток Ивана Ефимьевича, а вместе с ним креп и его вес в миру. Мало кто в округе не знал теперь о знатном мастере. Когда два года назад выбирали нового земского старосту, за Ларионова проголосовало большинство городских и волостных тяглых людей. Миновали выборные годы, и сложил он на всеобщем сходе с себя полномочия, радуясь, что теперь ничто не будет отвлекать его от привычного ремесла.

Так уж совпало, что завтра не только у Ивана Ефимьевича начинался первый после двухлетней службы трудовой день, но и сын Григорий должен был впервые пойти на учение. Вечером, вернувшись со схода, отец усадил всю семью за стол, желая обсудить дальнейшие планы.

— Ты чего такой смурной? — спросил он сына.

Григорий поднял голову, взглянул на отца, потом поочередно посмотрел на мать и бабу.

— То он по твоему прежнему чину тоскует, — усмехнулась бабка Марья. — Слава Богу, освободился от того ярма. Теперь хоть делами займешься, а то всё на нас с Федосьей переложил, нечто мы мужики какие.

— Мать, ты чего такое говоришь? Какое ярмо! Дело-то нужное, коли люди выбрали.

— Нужное... А кожи выделывать и торговать — нет? Людей сколько понабрал, а сам в старосты подался, — ворчала Марья Гавриловна. — Ну, да теперь пусть другой в заботах мается. Кого хоть вместо тебя нынче избрали?

— Купца Гавзова. Леонтия Яковлевича, у которого на Троицкой площади двор.

— Так его сынок с нашим у отца Андриана будет учиться. Купеческий-то отрок уж год отходил, — проговорила Федосья.

— Ладно с тем. Мое время прошло, теперь пусть он подати с людей собирает да порядок стережёт, — заключил старший Ларионов.

— Теперь все ребята меня дразнить будут каким-нибудь прозвищем, — проговорил мальчишка, едва сдерживая слезы.

— Эко он чего испугался! — улыбнулся отец. — Вот, надень.

Иван Ефимьевич протянул сыну тесемку, на которой висела маленькая костяная рыбка.

— Это что? — буркнул Гришка.

— Надень, надень, а я тебе про то расскажу и прозвище твое назову. Вот и поведаешь завтра на занятиях своих, чей ты потомок. Пусть тогда так ребятня тебя и зовет, коли уж нужно. И им хорошо, и тебе не обидно. Ты же говорил, что отец Андриан хотел, чтобы его ученики историю своей семьи знали?

— Хотел, — осторожно проговорил Григорий. — Матушка летом сказывала, когда я поправился...

— Иван, про именины свои совсем забыл! — перебила его Мария Гавриловна. — Поздравления прими. Я пирогов со стерлядкой напекла. Пива пригуби. А про родню свою завтра с утра бы всё и рассказал. А то забудет Гришка до завтра-то, а отец Андриан его за то на горох поставит.

— И правда, Ваня, — поддержала Федосья свекровь. — Я ему уже кое-чего говорила, когда летом к отцу Андриану ходила, и что знала, то рассказала.

— Рассказала, — пробурчал Гришка, разглядывая пожелтевшую от времени гладкую костяшку. — Про свою родню сказывала, а про деда и его деда ничего не говорила.

Иван Ефимьевич строго посмотрел на сына. Любил он Гришку и переживал за него. Не дай Бог, что с ним случится. Помнил о детях, которых похоронил, но и излишне баловать единственного отрока не хотел.

— А и в самом деле, Федосья, налей-ка нам по случаю именин пива, — проговорил Иван Ефимьевич, едва сдержавшись, чтобы не дать сыну затрепину.

— Ну вот и слава Богу, — отозвалась Марья Гавриловна. — А то завтра уйдешь с ранья к своим скорыжникам, так опять неделю впроголодь будешь.

Иван осушил кружку, вытер рукавом рот и откинулся на спинку стула.

— Ну что? Будешь слушать али как? — спросил он, подмигнув Гришке.

— Буду, — тотчас ответил тот и уставился на отца.

— Тогда слушай и не перебивай. Коли что захочешь спросить, спросишь, когда договорю. Много лет назад жил в славном Великом Новгороде боярин по фамилии Петембуровец. Пошли новгородцы на Двину земли свои от московского князя отбивать. Путь их лежал через наш город. Встал на их пути Устюг. Воевали новгородцы с устюжанами, после чего ушли дальше. Был у того боярина сын, звали его Савва. Отправился он со своим товарищем Борисом осваивать на Двине новые пределы. И основали они на тамошней реке погост. Дети их жили в Новгороде, пока московский князь не подчинил город себе. Петембуровца он вместе с семьей отправил в Колмогоры, что на Двине-реке стоят. Звали того человека Дмитрий. Был у него сын Михаил, который вскоре перебрался обратно в Новгород. У Михаила же родился Ларион. Его царь Иван Четвертый по доносу обвинил в измене и казнил. Это был мой прадед.

— Прадед? — не утерпел Гришка.

Отец укоризненно покачал головой и продолжил:

— Прадед — это отец моего деда. Или, по-твоему если считать, дед твоего деда Ефима Тихоновича, моего родителя.

— А-а, — протянул сын, всё еще путаясь в родстве.

— Ну вот, сбил меня. Говорил же: не перебивай, после спросишь.

— Царь казнил твоего прадеда Лариона Михайловича, — пояснил Гришка, желая показать, что всё запомнил.

— Какого Михайловича? — не сразу понял отец.

— Ну, ты, Ваня, туго соображаешь, — вмешалась Марья Гавриловна. — Коли у Лариона отца Михаилом звали, так кто он, если не Михайлов сын?

— А, ну да. Так вот... Казнили Лариона и фамилии его боярской, Петембуровец, лишили. И земли, что у него были, в казну изъяли. Потомков же его стали звать Ларионовыми детьми. Потому сын его, Тихон Ларионов сын, носить стал прозвание Ларионов. От греха подальше он в тот же год, когда казнили отца, перебрался в Устюг. Здесь плотничал, а вскоре подался в Сибирь. Там он служил под началом знатного двинского атамана Ермака Тимофеевича. Его заметил один из купцов Строгановых и после смерти атамана направил своим наместником по торговым делам обратно в Устюг. Тут Тихон Ларионович, дед мой, занимался продажей соли, что варили Строгановы. Здесь у него родился мой отец, твой дед Ефимий Тихонович. Когда мальцу исполнилось семь лет, Тихон преставился. Ефимий подрос и в поисках лучшей доли тоже ушел в Сибирь. Пробыл он там десять лет и в возрасте двадцати пяти вернулся в Устюг. Здесь женился на твоей бабушке Марии, — Иван взглянул на мать. — И вскоре родился я. Отца не стало, когда мне шел десятый год. Ну, а об остальном ты слышал много раз.

— А что случилось с моим дедом? — спросил Григорий.

— Погиб он. Карбасом придавило дедку твоего. Лез куда не нужно, — вступила в разговор бабка.

— А-а... Понятно. А что за рыбку ты мне дал?

— Вещица эта досталась нам от Петембуровца, что в Новгороде жил. А ему — от пращура, которого звали Савва. Был он ратником отважным. Оберег спасал его в сечах с врагами,

охранял в лесу от дикого зверя и злых хворей. С тех пор эту костяшку носили все его потомки. Дед рассказывал мне, что рыбок на тесемке было две. Вторую Савва, сын Петембуровца, отдал своему брату, а другую оставил себе. Она-то и сохранилась. Только ты ее напоказ не выставляй и часто не носи, чтобы не потерять, — пояснил Иван Ефимьевич.

— Завтра надену? — Гришка вопросительно посмотрел на отца.

— Надень, чего не надеть.

После этих слов в избе наступила тишина, которую прервал грохот упавшего за печью ухвата.

— Ах, ты паразит! — воскликнула бабка и, схватив тряпку, поспешила к показавшемуся из запечья коту.

— Вот такая у тебя родня по отцу, — проговорила Федосья. — А про моих ты и сам ведаешь. Если отец Андриан спросит, скажешь то, что сейчас слышал. Про моих-то особо и рассказывать нечего — все устюжские. Кто-то из них от новгородцев в те далекие времена, когда Устюг разорили, и пострадал.

— Тятя, а про того Савву, от которого оберег достался, ты что еще знаешь? — спросил Гришка.

Отец взглянул на сына, радуясь, что тот не остался равнодушным к памяти предков.

— Всего не знаю, но кое-что поведать могу, — согласился он.

— Ну что? Запомнил? — спросила Гришку бабка, когда рассказ был окончен.

Мальчишка кивнул, потирая сонные глаза.

— Ну все, пора почивать. Завтра вставать рано, — заключил Иван Ефимьевич. — Ложитесь, я лампадку потушу.

Утром следующего дня Гришка уже собирался выходить, как в дверь тихонько постучали.

— Дружок твой, поди, явился, — проговорила бабка Марья, надевая на шею внуку суму со съестным.

— Ну все, я побежал!

Гришка натянул поглубже шапку и выскочил в сени. Нащупав в темноте щеколду, он поднял запор и распахнул тяжелую створку. Бабка оказалась права: на крыльце стоял Авдей Пластинин.

— Здрав будешь, Авдейка!

— И тебе не хворать, — отозвался Пластинин и хлопнул приятеля по плечу. — А я уж грешным делом подумал, что ты всё спишь. Тятя твой еще затемно куда-то поспешил.

Они спустились с крыльца и, разгребая ногами свежий снег, вышли со двора.

— Отец сегодня к скорняцким делам вернулся. Кончилась его служба в земстве. Вон, — Гришка указал на цепочку следов. — Едва затеплилось, так в мастерскую на Немецкой слободе убежал.

— Слышал я про сход. Вчера со Степкой видели, как народ у земской избы собирался. Теперь, кабыть, Леонтия Гавзова избрали, — заметил Авдей.

— Не кабыть, а его и поставили старостой. Сынок его у отца Андриана год как учится. Сегодня встретимся. Поди, нос от нас воротить станет, коли зазнается.

— Не, не станет. Не его же в старосты выбрали, — рассмеялся Авдей. — Я с жидовином этим знаком. Мы у отца Андриана летом виделись. Смешной: сам малый такой, с выпученными глазами. А ты где вчера пропадал? Мы со Степкой к вам заходили, а у дверей батог приставлен был. На Сухону ходили, смотрели, как мужики колотушками налимов бьют. Лед-то чистый, всё видать.

— Матери в лавке помогал.

— А-а...

Они дошли до Вздыхальни и свернули за угол. Из Адова переулка выскочила маленькая собачонка и с громким лаем кинулась к ним.

— Ты чего, Веревица, не признала! — выкрикнул Авдей. — Вот дура-собака. Живет тут у Владычного двора и каждого облает, кто мимо идет. Хоть днем, хоть ночью.

Собачка сбавила ход, обнюхала ребят и, завиляв хвостом-крючком, побежала обратно.

— Чего Стёпка про пожар нового сказывал? — поинтересовался Гришка.

— Ничего особо не поведал.

— Жаль Пономаревых. И жаль, что с нами Стёпка учиться не будет. Когда они отбывают?

— Как зимник окрепнет...

— Ну да.

Они дошли до Голой улицы, и Авдей остановился.

— погоди, снег вытряхну. Пособи-ка.

Пластинин оперся о плечо приятеля и поочередно освободил ноги от набившейся снежной трухи.

— Ты про родню свою ведаешь чего? Успел у своих выпытать? — спросил Авдей, поправляя порты поверх голенищ.

— Ага. Тятя вчера много поведал. Только бы не забыть теперь.

— Коли отец Андриан спрашивать станет, ты первым всё, что помнишь, выкладывай. Меня мать так учила: когда вслух скажешь, крепче запомнится. Я про своих Оськичей ночью проснулся и без запинки доложу. Эх, сейчас бы лето, да за лещами! У меня уды новые есть. Вон там, — Пластинин указал на Команихину башню. — Напротив нее в реке яма глубокая, там старшие ребята рыбу удят. На следующее лето давай там попробуем, а то всё ершей у Пречистенских ворот ловим.

Так, за разговорами, они достигли конца Вздыхальни и свернули к Спасским воротам. Перед калиткой церковнослужителя ребята замерли.

— Видно, мы первые, — проговорил Гришка.

Авдей принялся носком расчищать заметенный вход.

— А мы с тобой во всех делах первыми будем, — многозначительно заметил он.

Пластинин повернул заветку и распахнул воротину.

— Пошли, что ли. У священника, поди, уже давно все на ногах, — добавил Авдей, заметив протоптанную в снегу тропу.

Едва они вошли во двор, как из-за сугроба показался хозяйский пес. Он потянул носом воздух и, не почуяв угрозы, присел посреди дорожки, ведущей к крыльцу.

— Тимоха! А ну-ка брысь в конуру! — раздался из предрассветной тени женский голос. — Не бойтесь, отроки, проходите. Он смирный у нас, старый уже.

Пес неохотно поднялся и скрылся. В этот момент из дома донесся детский плач, и хозяйка отозвалась снова:

— Ребята, снег у порога обметайте да в избу ступайте. В сенях дверь учительской прямо против входной. Там лампада светит, одежду там же и скинете. Фролка проснулся, я к нему поспешу. Отец Андриан вас заждался.

Было слышно, как брякнула щеколда и со скрипом отворилась дверь.

— То матушка Пелагия, жонка отца Андриана, — со знанием дела шепнул Авдей и переступил порог.

Глава третья

7161 лето от сотворения мира/1652 год от Рождества Христова/

Отцу Андриану сегодня приснился странный сон. Как к нему относиться, он не знал, но понимал: что-то сегодня должно случиться. Но что? «Надо будет с Пелагией посоветоваться», — решил он и уже в который раз принялся воскрешать в памяти ночное видение.

Приснилось ему, будто идет он домой, а у ограды встречает незнакомого старца.

— Батюшка, благословите! — произнес тот.

— Бог благословит! — ответил священник и осенил просителя крестным знамением.

Взгляд Андриана невольно скользнул по лицу старца. Глубокие морщины изрезали его лоб и щеки. Глаза, однако, были ясными и проницательными. В них не было ни тени лукавства или суетности, а только спокойная мудрость, накопленная долгими годами.

— Не ждали вы меня, батюшка? — спросил старик.

Голос его, хоть и тихий, звучал ровно и мелодично. Андриан слегка растерялся. Он не мог припомнить, чтобы видел этого человека раньше, но что-то в его облике и манере держаться вызывало необъяснимое чувство узнавания, словно они были знакомы давным-давно.

— Нет, отец, не ждал, — признался Андриан, стараясь скрыть удивление. — Но рад видеть вас у своего порога. Вы, верно, издалека?

— Издалека, батюшка, — кивнул старик. — Из земель двинских. Пришел я к вам с вестью.

Сердце Андриана снова забилося быстрее, но уже не от нетерпения, а от предчувствия чего-то важного. Двинской старец... Неужели это связано с тем, чего он ждал?

— Вестью? — переспросил он, внимательно глядя на незнакомца. — Какой же, отец?

Старик улыбнулся, и морщины вокруг его глаз стали еще глубже, но улыбка эта была светлой и доброй.

— Вестью о том, что пришло время, батюшка. Время открыть то, что было сокрыто.

Он протянул руку, и Андриан увидел на ладони небольшой, туго перевязанный свиток.

— Это вам, батюшка, — сказал старик. — От тех, кто помнит и ценит.

Андриан осторожно принял подношение. Оно было легким, но казалось наполненным неведомым весом.

— Спасибо, отец, — произнес священник, чувствуя, как дрожат пальцы. Он посмотрел на бумажную обертку, потом снова на старца. — Но я не совсем понимаю...

— Понимание придет, батюшка, — мягко ответил двинской гость. — Когда вы откроете этот дар. Он несет в себе не только слова, но и отголоски прошлого, мудрость предков. То, чего вы ждали, и то, что вам необходимо сейчас.

Андриан кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Его охватило волнение, смешанное с благоговением. Старец, его речи, таинственная ноша — всё казалось частью древнего, давно забытого обряда.

— Вы пришли издалека, — снова начал Андриан, пытаясь собраться с мыслями. — Неужели путь был долгим?

— Ныне и присно путь долог, когда несешь в сердце мечту, батюшка, — ответил старик.

Его взгляд устремился вдаль, словно он видел не только двор, но и бескрайние просторы Двинских земель.

— Но для меня он был не в тягость. Я знал, что иду к человеку, который сможет принять весть.

— Я... надеюсь, что оправдаю ваши чаяния, — прошептал Андриан, крепче сжимая сверток.

В нем пробуждалось нечто новое, доселе неведомое, но желанное.

— Оправдать ожидания — это одно, батюшка, — сказал старик, и голос его стал настойчивее. — А следовать зову сердца — совсем иное. Сей дар — лишь ключ. Дверь же открывать вам.

Андриан посмотрел на калитку, затем на заветный гостинец в руке. В нем боролись два желания: немедленно вскрыть послание и еще поговорить со старцем, узнать больше о его странствии.

— Может быть, вы войдете, отец? — предложил Андриан. — Отдохнете с дороги. Мы смогли бы побеседовать.

Старец покачал головой.

— Мое время здесь истекло, батюшка. Я доставил весть, и дело моё исполнено. Дальнейшее — в ваших руках. Но помните: прошлое всегда рядом, и оно готово поделиться своей силой.

Он сделал шаг назад, и фигура его начала таять в утренних сумерках. Андриан ощутил легкое разочарование, но вместе с тем и глубокое умиротворение.

— Благодарю вас, отец, — сказал Андриан, склоняя голову. — За весть, за дар.

— Спаси Бог, — ответил старец, и голос его донесся уже откуда-то издалека. — Пусть свет истины осветит ваш путь. Простите меня, батюшка, и благословите.

— Бог тебя простит, Бог благословит, — проговорил Андриан.

Он остался один у своей калитки, сжимая в ладони бесценную ношу. Сердце всё еще колотилось, но теперь это было предвкушение. Он посмотрел на небо, где гасли последние звезды, и понял, что жизнь его вот-вот изменится. Священник развернулся и решительно направился в дом.

Андриан оторвался от воспоминаний, поднялся и прошел вдоль стола, поправляя фитили масляных ламп. По другую сторону столешницы, ерзая на широкой лавке, сидели пятеро ребятшек. Они негромко переговаривались, внимательно наблюдая за учителем. Чаще всего избу во время занятий освещали горящие в светце лучины, но в первый учебный день священник решил воспользоваться светильниками. Свет от них разлился по горнице. Довольный увиденным, Андриан вернулся на место. Встав у края стола, он взглянул на учеников, и шепотки тут же смолкли.

Наступила тишина. Андриан осенил детей крестным знаменем и, прикрыв глаза, прошептал краткую молитву. Окончив ее, он произнес:

— Для новых учеников скажу, а и старшим послушать полезно будет. Во время занятия правило блюдите: младшие и старшие пред Богом равны. За притеснения наказывать стану розгами. Садитесь на лавку только на те места, куда я вас сегодня определил. За столом друг дружке не пакостите, руками и ногами не толкайтесь. Ладони держите на столешнице, сложив одну на другую. В церковь ходить надобно не только в воскресный день. Масло в лампах доливать буду сам. Лучины в светцах меняйте заблаговременно. Следите, чтобы в кадках под ними всегда вода была. Огарки в перерывах во двор выносите. Разрешение на то спрашивать не нужно. Старшим за свет и воду на этой седмице назначу... — Андриан обвел взглядом ребят и остановился на рыжеволосом сыне кузнеца. — Вот ты, отрок.

Хотя в избе было не жарко, на белесом лбу у мальчишки выступили капельки пота. «Волнуется, это хорошо. Ответственный отрок. Толк из него выйдет», — подумал учитель и перевел взгляд на сидевшего следом Григория Ларионова.

Сын кожевника и бывшего земского старосты старался сидеть ровно, но Андриану показалось, что тому что-то мешает под рубахой. Однако, несмотря на неудобство, отрок виду не подавал. Он так пристально смотрел на священнослужителя своими раскосыми карими глазами, будто хотел заглянуть попу в самую душу. От этого взгляда у Андриана внутри что-то ёкнуло. Он на мгновение почувствовал себя неуютно, но сдержался. «Характер у парня еще тот. Непросто ему будет в жизни», — промелькнуло в голове у наставника. Вслух же учитель произнес:

— Смотришь ты пытливо. Надеюсь, что и в учении так же будешь усерден. Гляжу, плечами водишь, будто вшей развел.

— Тятя вчера оберегом наградил, велел носить. Всё не могу привыкнуть к костяшке: то ли трет, то ли щекочет, — вскочив с места, проговорил Гришка.

Андриан нахмурил брови и строго взглянул на ученика.

— А тебе не ведано, что отвечать нужно только тогда, когда я спрашиваю? А коли самому надобно молвить, то прежде руку поднять и ждать моего соизволения? Это и уборной касается. Друзья-приятели не упредили? Матушка тебе не наказывала? — учитель испытывающе посмотрел на Гришку.

Ларионов опустил на лавку и тут же вскинул руку кверху.

— Говори, отрок, — произнес наставник.

— Матушка сказывала, да я забыл: голова моя дырявая. Ученики тоже предупреждали, да в памяти не осталось, — неумело соврал Гришка.

Договорив, он покосился на сидящего справа Авдея, что не укрылось от священника. За годы преподавания Андриан научился неплохо разбираться в детях и чутко, когда кто говорит правду, а когда лукавит. Но и обман обману рознь. Одно дело, когда невыученное задание отрок оправдывал мнимым недомоганием, и совсем другое, когда мальчишка вину товарищей берет на себя.

— Что за оберег такой, коли не секрет? — спросил учитель, оставшись довольным ответом Гришки. — Можешь не вставать.

Гришка вытянул из-за пазухи сначала серебряный крестик, а следом костяную рыбку. Крест поцеловал и сунул обратно, а вещицу положил на ладонь и протянул священнику.

— Вот такой. Его мой самый давний предок носил.

— Хорошее дело частицу своего рода при себе иметь, — удовлетворенно заметил отец Андриан и сделал знак, чтобы Гришка спрятал рыбку.

Затем он обвел взглядом остальных ребят и задержался на сидевшем в самом конце стола Калине Третьякове.

— Калинка, помнишь ли молитву, которую перед занятиями читают?

Мальчишка поправил белобрысую челку и согласно кивнул. «Находчив, паршивец, — отметил Андриан поведение ученика. — Руку поднимать не стал, а взглядом сказал всё, что требуется».

— Прочти тогда.

Калина поднялся и, обогнув стол, вышел на середину комнаты. Повернувшись к красному углу, где на божнице стояла небольшая икона с ликом Николая Чудотворца, он нараспев звонким голосом стал читать:

— Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас и благослови! Благодарим Тя, Создателю, яко сподобил еси нас благодати Твоея, во еже внимати учению. Дажь нам, Господи, разум и память добрую, да не ленивы будем в постижении книжной премудрости. Укрепи нас в труде учебном, избави от лености и нерадения, от соблазнов и празднословия. Благослови учителя нашего, да наставляет нас ко благочестию и истинному разумению. Помяни родителей наших, да будет им утешение от наших успехов. Да будем мы полезны Церкви и земле нашей, во славу Твою. Аминь.

Окончив молитву, Калина осенил себя двуперстным знаменiem, вернулся к своему месту и сел на лавку.

— Сию молитву, отроки, читаете все вместе каждое утро перед занятиями. По приходе рассказываете мне прошлый урок, потом читаете молитву, а уж после усваиваете новый. К завтрашнему дню сие прошение надобно всем выучить назубок. Для этого после дневной трапезы будете вместе с Калиной один час твердить её. Всем ли понятно?

Ребятишки закивали, а круглолицый мальчишка с родимым пятном на щеке вскинул руку.

— Хочешь что-то сказать? Говори. Но сперва назовись, чей будешь, — произнес учитель, рассматривая русоволосого кареглазого ученика.

Мальчишка поднялся и, набрав в грудь воздуха, выпалил что есть мочи:

— Авдей Пластинин, сын Савватия Пластинина!

— Да, да, Савватия. Вспомнил тебя, отрок. Ну, что сказать хотел?

— Хотел сказать: чего ту молитву долго запоминать? Я уже всё перенял. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас и благослови! Благодарим Тя, Создателя, яко сподобил еси нас благодати Твоея, во еже внимати учению...» Ну, и дальше мне всё помнится, — проговорил Авдей.

— Да-а, с такой памятью тебе и одной зимы для учения может быть много. Коли лень впереди тебя бежать не станет. Вот, отроки, как следует внимать слову Божьему. Ну, раз так, вместе с Калиной остальных и обучите, — заключил Андриан и подошел к Сёмке Гавзову.

Тот сидел со скучающим видом, безучастно взирая на происходящее в горнице. Прошлой зимой он утреннюю молитву едва одолел. Если бы не положение и щедрые дары Леонтия Яковлевича, наставник давно бы отправил Сёмку коровам хвосты крутить. Священнослужитель вспомнил его старшего брата и вздохнул, сожалея, что младший Гавзов ни в отца, ни в брата, видимо, не уродился.

— Что-то выглядишь ты, Сёма, неважно. Не болеешь? — поинтересовался священник.

Мальчишка поднялся, неловко наступив на ногу Калине, и вытащил из-за пазухи сверток.

— Вот, тятя книжицу привез из самой Москвы. Сказал, что по ней учиться легко и много ума не надо, — произнес Сёмка, развернув тряпицу. — А лицо мятое, потому как спал худо: всё об учебе думал, чтобы не опоздать, да молитвы вспоминал.

— Насчет ума — это ты сам верно прибавил. Не верю, чтобы Леонтий Яковлевич такое сказал. Без усердия и терпения, отрок, Бог знаний не даст. А коли об учении и впрямь думал, то похвально. Если же душой кривишь... Иной раз лучше смолчать, — произнес учитель и вернулся к своему столу.

Он взял в руки такую же книгу и поднял её перед собой.

— Прежние годы я учение вел, на Часослов, Псалтырь да Азбуковник опираясь. Нынешнюю зиму грамоту, помимо тех книг, станете постигать вот по этой книге, что купец Леонтий Яковлевич, дай Бог ему здоровья, мне пожертвовал. А ты, Семён, свою дома держи да ученье моё по ней сверяй. Книжица сия Букварём зовется... Или Азбукой — кому как любо. Составил сию книгу подъячий азбучного дела Василий Фёдорович Бурцов-Протопопов. Дай Бог и ему здравия, коли жив еще, — возвысив голос, произнес Андриан. — Силком заставлять никого не стану. Один раз розгами огрею, а на другой за непослушание или невыученный урок к родителям отправлю. Всем ли понятно?

— Ага, — нарушил тишину лишь негромкий возглас Авдея.

Андриан перелистнул несколько страниц и поднес книгу ближе к глазам:

— Сия зримая малая книжица,

По реченному алфавитица,

Напечатана бысть по царскому велению

Вам, младым детям, к научению.

Ты же, благоумное отроча, сему внимай,
От нижняя степени на вышнюю восступай,
И не леностне и не нерадиве учися,
И дидакала своего всегда блюдися.

Тут он замолчал и посмотрел на Калину.

— Завтра отрок Третьяков прочитает стихословие до самого конца.

От такого доверия глаза мальчишки радостно блеснули, а на щеках вспыхнул предательский румянец. Он едва удержался, чтобы не вскрикнуть, но совладал с собой и лишь отчаянно кивнул.

— После окончания занятий читаете другую молитву, — продолжил Андриан. — Калинка, не забыл её?

— Не забыл, отец Андриан! — вскочив, выпалил тот.

— А ты, Семён?

— Думаю, что нет, — тоже поднявшись, ответил Гавзов.

— Тогда прочти. Можно с места.

Сёмка тяжело вздохнул и насупился.

— Ну, чего молчишь? — спросил наставник.

— Препоблагий Господи, низпосли нам благодать Духа Твоего Святого, дарствующаго и укрепляющаго душевныя наши силы, дабы... — тут он замолк и снова задумался.

— Калинка, пособи, — Андриан перевел взор на Третьякова.

— Внимающе преподаваемому нам учению, возросли мы Тебе, нашему Создателю, во славу, родителям же нашим на утешение, Церкви и отечеству на пользу, — закончил молитву Калина, перекрестился и затих.

Андриан подал знак, чтобы ученики сели.

— Её днем позже выучите, а теперь давайте вернемся к тому, о чем толковали летом. Что я просил разузнать к первому дню занятий?

Не успел он договорить, как рука Авдея Пластинина взметнулась над головами.

— Говори, отрок.

Авдей поднялся, пригладил ладонями волосы, вытащил из-под рубахи оберег и показал его сначала другим ученикам, а после учителю.

— У меня тоже оберег костяной. Мне его отец передал. Тятя сказывал, что этого медведя вырезал двинской мастер из рыбьего зуба для моего деда Ермила Прокопьевича, дабы он охранял от бед и болезней.

— Ну вот, с тебя и начнем, отрок. Мне помнится, ты говорил, что ведаешь о своих предках. Расскажи же, что знаешь. Мы послушаем и порадуемся вместе.

Авдей поморгал, по привычке дотронулся до родимого пятна на щеке и, тряхнув русым чубом, заговорил:

— Я по памяти скажу. Как бабка Агафья сказывала, так и выложу. Ничего придумывать, как некоторые, не стану. Про отца вы и сами знаете — он иконы пишет. Жил он раньше вместе со своим родителем, моим дедом Ермилом, в Колмогорах. Это городок такой неподалеку от Студеного моря. Дед служил в таможенной избе, был он храбрым и находчивым. По его воле там острог поставили. Благодаря тому селяне спаслись, когда на них напали поляки да литовцы. Там мой отец и начал рисовать. После его отправили учиться в Великий Устюг. Дед в те годы занемог и скончался от неведомой хвори. Унесла она и сестер отца. А бабка Агафья уцелела и приехала к сыну. С тех пор тут мы все вместе и обретаемся.

— А кем были родители деда твоего и откуда фамилия такая у вас, знаешь ли? Ты говорил, что Агафья Фроловна много о тех временах помнит. Спрашивал ли ты её об этом? — поинтересовался учитель, видя, что Авдей замолчал.

Мальчишка вздохнул и на мгновение задумался.

— Ага, сейчас он нам насочиняет. Знаем мы, какой он выдумщик! — подал голос Семён и тут же осекся под строгим взглядом учителя.

— Вторую зиму, отрок, учишься, а всё как в первый раз! Придется Леонтию Яковлевичу сказать о твоей несдержанности.

Гавзов опустил голову и произнес извиняющимся тоном:

— Простите, учитель.

— Бог простит. Что скажешь, Авдей?

Пластинину хватило паузы, чтобы собраться с мыслями, и он заговорил:

— Выдумывать тут нечего. Бабка сказала: такое не сочинишь. Сказывала она, что отец деда моего Ермила перебрался в Колмогоры не от хорошей жизни. До того семья обитала в селении Борок, что тоже стоит на Двине-реке. Там же проживал и дед Ермилов — Григорий. А родитель Григория находился в Нижнетоемском погосте и служил при тамошней церкви. Звали его... — Авдей ненадолго задумался. — Ага, Степан. Да, точно! Бабка Агафья так и говорила — Степан. Всё его Степаном-тараканом величала. Не знаю почему — может, за цвет волос или усы длинные. При церкви той состояли и его отец, и дед. Отца как звали, бабка не сказывала, а вот деда величали Порфирием. С него и началось у моих предков служение в Новолоцком храме. Прозывались они Оськичи. Много их там было раньше, но со временем все куда-то подевались. Только Порфирий с семейством и остался. Ну вот, жили они, и в один из дней Степан отправился на охоту и не вернулся. Дома жонка осталась и дочек аж пятеро. Погоревали они, пока через несколько лет не обнаружился тот Степан в соседнем Борке.

Оказывается, на охоте Степан заплутал. Упал в волчью яму да так ударился головой, что не мог вспомнить, откуда пришел и кто таков. Долго бродил по лесам, пока не вышел к реке Пинеге. Шел берегом, покуда не встретил людей. Те привели его в свою деревню, где остался Степан в холопах у зажиточного крестьянина по фамилии Пластинин. Поскольку прозвания своего Степан не помнил, его записали Пластининым работником. В той деревне он женился, там у него родились дочери и сын Григорий — тот самый, что стал потом дедом Ермила.

Через несколько лет хозяин перебрался на Двину и взял Степана с новой семьей с собой. Остановились они в Борке. Там-то их приметил кто-то из нижнетоемских мужиков и опознал Степана. Борок от Нижней Тоймы совсем близко. Тут и открылось, что у того уже есть семья Оськичей. Что было дальше — неизвестно, но сын Степана, Григорий, так и остался Пластининым: под этой фамилией его крестили на Пинеге. Вот так наш род Оськичей стал Пластиниными.

Григорий Пластинин кормился в Борке, а его сын Прокоп позже перебрался в Колмогоры. Там у него и родился Ермил, мой дед. Ну, а про деда и отца я уже всё поведал.

— Молодец, отрок. Память у тебя — дай Бог каждому. Но без прилежания и она бы не впрок пошла, — похвалил Авдея учитель. — Ты вот что... Всё, что сейчас поведал, запиши. И то, что другие отроки скажут, запомни да тоже на бумагу положи. После мне отдашь.

Тут руку поднял Сёмка Гавзов и просящим взглядом уставился на наставника.

— Говори, отрок.

— У нас тоже есть такая рыбка, как у Гришки. Вернее, она у дядьки моего, Феофана, хранится. Мне тетка Акилина, когда я мал был, давала её поиграть. Она сказывала, что таких рыбок было две. Давно это было, когда мой самый дальний предок жил в Великом Новгороде. Был у него сын Борис. Эту костяшку он получил от своего брата, а вторую тот брат себе оставил. Вот так.

Сёмка замолчал, и тут же взметнулась Гришкина рука.

— Если по делу, говори. А коли шуточки шутить удумал, так лучше со скамьи не вставай, — строго пресек Андриан.

— Мне отец тоже сказывал, что таких рыбок было две. Одна у них, а вторая — у родичей. Ту, что себе оставили, отец сохранил и мне вручил, — произнес Ларионов.

— Ха-ха-ха! Поди, сам сейчас выдумал! — воскликнул Семён.

— Сам ты выдумал! — Гришка обернулся к Гавзову и укладкой показал кулак.

Андреас поднял руку и как можно строже велел:

— Из-за стола оба! На середину!

В ожидании наказания ученики понурились и один за другим вышли к учителю.

— Ну, слушаю вас, — сурово проговорил священник.

— Простите нас, учитель, — буркнул Гришка.

— Простите нас, учитель, — вторил пухлыми губами Семён.

— Бог простит, — ответил тот.

Он обошел ребят кругом и, остановившись рядом с Ларионовым, спросил:

— Летом ты в отлучке был, когда я просил к началу занятий побольше разузнать о своих родоначальниках. Передали ли тебе наказ мой?

— Передали, учитель, — тихо ответил Гришка, не смея поднять глаз.

— Раз передали, так мы тебя теперь и послушаем. Заодно про оберег свой расскажешь. А ты, Сёмка, стой и внимай. После твой черед настанет.

Гришка ненадолго задумался, затем, чуть выступив вперед, поднял глаза на учителя и заговорил:

— Тятя сказывал, что много лет назад жил в Великом Новгороде наш родоначальник — боярин по фамилии Петембуровец. Был у него сын, звали его Савва. Годы те стояли лихие: московский князь с новгородскими боярами враждовал. Забрал он у новгородцев земли двинские, а те решили их отбить обратно. Пошли новгородцы войной на людей московских, а с ними и Петембуровец с сыном. Дошли они до нашего Великого Устюга и пожгли его. Потом двинулись по реке Двине остатки вражьих войск бить. Савву отец с собой не взял, а велел селение новое обустраивать, чтобы с него доход иметь. Потомки его жили в Новгороде, а когда московский князь новгородскую вольницу подчинил, перебрались в Колмогоры. После снова оказались в Новгороде. Там царь Иван по доносу обвинил Петембуровца в измене и казнил. Звали того человека Ларион, он отцу моему прадедом доводится. После казни царь отнял боярское имя у нашего рода, а потомков велел звать Ларионовыми детьми. Вот и стали мы Ларионовыми. Сын казненного Лариона перебрался в наш город и трудился здесь плотником. Но вскоре подался в Сибирь к атаману Ермаку. После он нанялся к купцу Строганову и вернулся в Устюг. Тут родился мой дед. Его не стало, когда тятя было десять лет — лодкой придавило. Тятя же выучился на кожевника и стал свое дело править. Вот так.

— Молодец, отрок, — проговорил отец Андреас, когда Гришка умолк.

— А про оберег-то он не сказал, — подал голос Авдей.

Спохватившись, что влез без спросу, он жалостливо посмотрел на наставника. Тот укоризненно взглянул на ученика, покачал головой, но промолчал.

— Про оберег тоже могу поведать, — произнес Гришка.

— Ну, коли можешь, так слушаем тебя, — согласился учитель.

Мальчишка снова ненадолго задумался, вспоминая слова отца, и заговорил:

— Я сказывал уже, что рыбок у моего давнего пращура было две. Он был знатным новгородским боярином. А до него их носил предок — отважный Савва, который вместе со святым князем Александром Невским шведов на реке Ижоре громил. Тятя сказывал, что о том в летописи писано, где про храбрость князя Александра говорится. Был у боярина сын, названный Саввой в честь того древнего воина. Вот ему и вручил оберег из двух рыбок отец. У Саввы был друг или брат... Вот он одну рыбку ему и пожаловал, а не... — Гришка покосился на Семёна. — А не им. Вот так.

— Молодец, отрок, — похвалил ученика отец Андриан. — А о том, кто кому и какую рыбку передал, не спорьте. Бог всё рассудит, коли потребуется. Преданий у людей много разных случается. Не удивлюсь, если и Сёмка, и ты говорили об одних и тех же костяшках. В жизни и не такое бывает. Садись на место, а мы послушаем тебя, отрок, — добавил учитель и повернулся к Гавзову.

Гришка едва ли не бегом добрался до своего края лавки и с облегчением опустился на скамью. Семён же почесал затылок и, глядя себе под ноги, заговорил:

— Родители ничего не помнят, а бабка Нюрка много чего поведала. Не знаю, что из того припомню. Про оберег она сказывала, когда прежние годы поминала. А еще про поднос серебряный говорила. Есть у неё такой, с росписью да надписями, где имена самых давних дедов моих означены. Сейчас...

Сёмка подошел к столу, взял книжицу и вытряхнул из неё листок. Подойдя к наставнику, он протянул ему бумагу:

— Бабка велела показать, а то я читать пока не умею, да и запомнить всё невмочь. Тут записано то, что на том серебре выбито.

Андриан взял листок, пробежал его глазами, а после стал читать вслух:

— «Сей серебряный поднос сделан новгородским серебряных дел мастером Третьяком Ч. по заказу Гавзова Фомы Андреевича, сына Фотиева-Гавзова Андрея Константиновича.

Фотиев Константин Петрович, сын Петра.

Фотиев Петр Александрович, сын Александра.

Фотиев Александр Саввич — сын Саввы Борисовича.

Фотиев Савва Борисович.

Фотиев Борис Исаевич — сын Исайи Василича, умер от ран в погосте Качим в лето 6906.

Фотиев Исайя Василич — сын Василия Лукича. Обитал в Новгороде. Погиб в лето 6906 в походе на Устюг вместе с дружиной Тимофея Добрыни.

Василий Лукич — жил в Орлеце, что на Двине-реке».

Когда он окончил чтение, Сёмка продолжил:

— Бабка Нюрка сказывала, что Андрей Константинович остался круглой сиротой, и взял его на воспитание пономарь. Жили они тогда в Колмогорах. У пономаря фамилия была Гавзов. Вот и прозвался Андрей Фотиев-Гавзов. У него родился сын Фома, который уже простую фамилию носил. Бабка сказывала, что раньше всё это на бересте было начертано, а Фома, как разбогател, велел надписи на серебро перенести.

— Очень важная история тут изложена. Особенно про распрю Новгорода с Москвой, — заключил отец Андриан.

— Про войну? — удивился Сёмка.

— В лето 6906 как раз и был поход новгородской дружины в Заволочье, где они отбили у московского князя острог Орлец. По пути и нашему городу досталось. А после Фомы сведений нет?

— Я у бабки тоже спрашивал. Она говорит, что вся родня после него купцами устюжскими была, как и мой тятенька сейчас.

— Хорошо, молодец, отрок. Ты вот ещё про оберег скажи, из-за которого у вас с Григорием спор вышел. Или ты просто выдумал, чтобы досадить? — спросил наставник.

Сёмка почесал пятерней в черных кудрях, взглянул на Ларионова и произнес:

— И ничего я не соврал. Есть такая рыбка, как у Гришки, у моего дядьки Феофана. Тётка Акилина сказывала: рыбок тех было две. Давно то было. Тогда мой самый давний дед Исайя жил в Новгороде Великом. Был у него сын Борис. Эту костяшку ему отдал брат, а вторую себе оставил. Вот так.

— Ну, хорошо, хорошо, — примирительно заметил Андриан. — Садись на место.

Он посмотрел на притихших ребят, которые уже порядком утомились от долгого сидения.

— На ваших сказаниях сделаем перерыв. Сейчас каждый получит задание в соответствии со своими умениями. К моему возвращению уроки выучить надобно. Я оставлю вас с Пелагией Петровной, а сам отлучусь по богоугодным делам. После трапезничайте, а пополудни послушаем рассказы других учеников об их предках, да и нынешнее задание с вас спрошу.

Половина дня пролетела быстро. За это время Андриан провел богослужение и вместе с настоятелем Иоанном поучаствовал в других делах прихода. Перед самым уходом протопоп отозвал его в сторонку.

— Христос посреди нас! — поприветствовал он.

— И есть, и будет! — ответил Андриан.

— Из Москвы вести нынче разные идут, отец Андриан. Хорошие и не очень. Доброго, правда, немного. Дошли до меня из епархии слухи, что быть тебе скоро настоятелем. Сам митрополит о тебе справлялся. Видно, Богу угодно, чтобы ты сей приход возглавил. А может, и другое назначение по службе получишь. Нынче храмы обновляются, каменных много строится. Толковые пастыри как никогда нужны, чтобы вера не ослабевала, чтобы в единстве люди жили. Что скажешь на то?

— Спаси Бог! Мне, батюшка, удел выбирать не должно. Где Господу угодно, там и стану Ему служить. Ибо служение Создателю стало главной целью моей жизни. Только Ему я принадлежу всецело и волю Его буду исполнять до конца дней.

— Верно говоришь, отец Андриан. Слова твои за душу берут и пред Богом не пройдут бесследно. Только беспокойно нынче в столице. Патриарх наш, говорят, на обряды греческие заглядывается. Не быть бы беде. Мне, отче, недолго осталось, и, что бы ни случилось, уйду с верой, которую всю жизнь в сердце нес. А вот вам потрясения много лиха могут принести.

— И как же мне быть, отец Иоанн? Что посоветуешь?

— Советы давать в таком деле — дело несладкое. То не грибы собирать али рыбу удить. Веры своей держись и Господу служи как должно. Бог всё видит, и каждому воздаст по заслугам. Ты вот нынче опять отроков учить взялся. С Божьей помощью их души на путь истинный наставляешь. Да, я чего сказать хотел... Вчера Никитка, пономарь с Соборного дворища, приходил. Принес для тебя посылочку. Сказал, что еще до ледостава ее с Двины okazji привезли. Да случился беспорядок у них, когда старый ключарь преставился. Пока новый заступил да освоился... В общем, пролежала весточка тебе зазря.

У Андриана ёкнуло сердце. Он вспомнил про сон. «Вот оно к чему всё!» — подумал он.

— Спаси Бог! Давно жду вестей оттуда. Уж надежду стал терять, отец Иоанн, — едва сдерживая волнение, проговорил Андриан.

— Ну, вот и все новости, что хотел тебе поведать. Хотя нет... У нас в городе христарадники объявились. Я беседовал утром с ними. Сказывают, что с двинских земель идут. С ними старец седой совсем, и лет ему не счесть. Я благословил их. Тот старик сказывал, что много лет при Борецкой и Нижнетоемской церквях служил, пока по миру не пошел. Ты же родом из тех мест будешь. Мне подумалось, тебе любо было бы с ним перемолвиться. Ты же о прашурах своих всё выпрашиваешь. Может, он и знает чего. Они уж собирались в Вологду податься, да я просил их с тобой встретиться. Так что жди гостей.

«Вот оно как! А говорят, что вещих снов не бывает!» — пронеслось в голове у священника. Вслух же он произнес то, что и полагается:

— Благодарю вас, батюшка!

— Во славу Божию! — ответил отец Иоанн. — И посылку не забудь, — кивнул он на лавку, где лежал сверток.

Сердце Андриана учащенно билось всю дорогу до самого дома: не терпелось вскрыть и прочесть присланное с Важской земли. Да и встретить двинского странника хотелось бы, если тот решит его навестить. Время от времени ему попадались прихожане, недоуменно поглядывая на торопливого иерея. А тот шел, не замечая ничего вокруг.

Часы на колокольне Вознесенской церкви пробили четыре раза, когда он подошел к своему двору. Андриан оторвался от дум и уже собирался толкнуть калитку, когда заметил сидящего на пенке старца. Он замер и вгляделся в сторбленный образ. Завидев священника, незнакомец поднялся и, стянув с головы шапку, направился к нему. Двигался старик медленно, но с достоинством. Приблизившись, он негромко произнес:

— Батюшка, благословите!

После чего старец склонил голову и замер в ожидании.

— Бог благословит! — ответил священник, осенил приветствующего крестным знаменем и коснулся ладонью его темени.

Когда старик выпрямился, Андриан смог рассмотреть его получше. Седые волосы, будто иней, покрывали его голову, а глубокие морщины, казалось, хранили в себе предания прошлых лет. Но стоило Андриану взглянуть в глаза гостя, как вся внешняя дряхлость отступала. Взор его был живым, ясным, полным искр любопытства и мудрости. В нем отражалось спокойствие человека, который повидал многое. Старец смотрел с такой прозорливостью, будто видел не только то, что на поверхности, но и сокрытое у Андриана внутри.

— Мне, батюшка, в храме вашем сказывали, что предки твои из двинских краев родом. Сам ты хоть и здешний, но душа у тебя к тем местам лежит. Знаешь о тех временах немало, а ведать хочешь еще больше. Так ли я услышал?

— Все верно, старый человек. Пойдем в дом, раздели со мной трапезу. Не откажи.

Странник несколько смутился и пристально посмотрел на Андриана.

— Зазорно мне нынче в покои входить. Отвык, скитаясь по миру. Можно и здесь побеседовать.

— Не обижай меня, добрый человек.

— Меня Вторкой кличут.

— Хорошо, Вторко. Пойдем в избу. Там всё же не зима. Матушка моя гостю всегда рада.

Андриан не стал заходить в учительскую горницу и провел старика в переднюю избу.

— Я сейчас лампадку засвечу, — проговорил он, доставая кресало.

Вскоре по покою разлился желтый свет. Старец перекрестился и огляделся.

— Сынок твой? — заметив зыбку с младенцем, прошептал Вторко. — Не потревожим мальчика?

— Бог сына крепким сном наделил. Будет спать, пока ись не захочет. Ты разоболокайся да к столу проходи. Я за матушкой схожу.

В этот момент дверь отворилась, и вошла Пелагея.

— Слышала, что воротился, да ребят оставить надолго нельзя, — выпалила она с порога. Заметив незнакомца, она в нерешительности замерла.

— Здравствуйте, матушка, — поприветствовал старик хозяйку.

— Гость у нас, Пелагия. Сон сегодня чудный видел, хотел с тобой поделиться. Теперь ясно, к чему через него Бог знак мне подал. И гостя послал, и весточка, наконец, с двинских земель до нас добралась. Добрых вестей святой Наум принес.

— Доброго здоровьица, — промолвила Пелагея. — Откушайте с отцом Андрианом.

Она быстро собрала на стол, поправила одеяльце у спящего сынишки и проговорила:

— Может, отпустить отроков сегодня? С непривычки умаялись. Завтра придут, а вы с гостем спокойно побеседуете. Как думаешь, отец Андриан?

— Соглашусь с тобой, матушка. Сама им скажешь или мне выйти?

— Схожу, скажу, а вы ешьте похлебку. Еще теплая, в печи томилась.

— Вот что, Пелагия. Отроки утром о предках своих сказывали, да не всех успел выслушать. Ты Чупрова и Калинку Третьякова расспроси. Пусть поведают, что знают, а ты мне после вечерней трапезы перескажешь. А то нехорошо: готовились ребята, а слушать некому. Урок же, что утром дал, я завтра с них спрошу.

Хозяйка кивнула и вышла. Какое-то время за столом царило безмолвие, лишь стук деревянных ложек нарушал тишину. Никто не спешил начинать разговор.

— Благодарствую, отец Андриан. Третьего дня, как в Устюг прибыли, в вашей богадельне белыми щами с житом потчевали. Дай Бог вам всем здоровья, — произнес Вторко, покончив с едой. — Чем могу быть полезен? Кроме слов, ничего за душой нынче нет. Да и раньше не особо что было, кроме крепости телесной. Ею Бог меня не обидел.

— А сколько лет от роду тебе, Вторко?

Старик вытащил из-за пазухи круглую железную плашку и протянул Андриану. Тот придвинулся к свету, чтобы различить выдавленную на нем надпись.

— «Лета 7083 Вторко, сын Григория Оськича и Марфы, уродился в Борке», — прочитал священник.

Он перечитал надпись заново и только тогда вернул железку. — В Борке... — задумчиво повторил Андриан.

— Двадцать с лишним годов там прожил, пока в Вознесенский храм не определили служить.

— А то где такой?

— Напротив Нижнетоемского погоста. За Двиной, на другом берегу. Богатый приход был, скажу я тебе. На большой дороге, что в Колмогоры ведет, стоит. Только вот беда: подтапливать его стало. Луг, на котором деревни раскинулись, каждую весну заливают. Хотят храм в Нижнюю Тойму переносить. Ну, да то дело прошлое. Недолго я там пробыл и за реку перебрался. Стал при тамошней церкви состоять.

— Отец у тебя Григорий Оськич? — изумился священник.

— Вот уж скоро восемь десятков лет как он мне отец, — невозмутимо ответил старик.

От его пронизательного взгляда не укрылась перемена в лице собеседника.

— Семья у меня небольшая была, да и та вся померла, — продолжил он. — Лет десять, как один остался. С тех пор и странствую. Сказал мне настоятель из Нижней Тоймы: коли среди сельчан спокойствия в душе не найдешь, так в пути-дороженьке его ищи. Вот и хожу по белу свету с такими же горемыками. А что до отца Григория, имени которого ты подивился, так он предстал перед Богом, когда мне годов десять было. Был у меня брат кровный, много старше меня. Прокопом звали. Более никого. У отца первая жонка, от которой Прокоп родился, преставилась. Он во второй раз женился — вот я на свет и явился. Да что я всё о том... Тебе, поди, и нелюбы мои байки. Разомлел в тепле, вот и оттаял язык.

— Любо, очень любо, Вторко! Меня те места и старина сильно занимают.

— Ну, коли так, слушай. Язык без костей, не заболит. Жил я в Борке первые годы, а после в Нижнетоемском погосте оказался. Тамошний иерей к себе взял. Я к тому времени грамоте обучился, вот и писал да читал там всё, что требовалось. По окрестным деревням с переписью хаживал. Ноженьки с тех пор и окрепли. Потом, когда настоятель преставился, новый меня не принял. Подался я обратно в Борок. Там тоже при храмах служил, пока в путь не отправился.

— А не доводилось ли тебе, Вторко, в Качиме бывать? Там у меня предок похоронен.

— В Качиме бывал, и не раз. Какое-то лето там обретался. Три деревни в погосте том. Коли память не изменяет, Савинской да Борисовской две зовут, а третья... Узлиха. Да, так,

кабыть. Она у воды стояла, пока Тойшма не промыла новое русло и не ушла в сторону. Потому ту Узлиху со временем к Савинской приписали.

— Тойшма? Это...

— А-а. Тойшма — то река. В грамотах её Нижней Тоймой кличут, а тамошний люд — Тойшмой всё больше. А кто таков твой родоначальник? Как звали-то, знаешь ли?

— Фролкой звали. Водогляд из Новгорода. Утонул, когда перл искал.

— Нет, батюшка, о таком слышать не доводилось. Жемчуг в той реке уж давно не находили, о том промысле и не помышляют вовсе. О Савве с Борисом новгородских слыхивал, что деревни те поставили. Об Оськичах тоже знаю. Эти издревле в тех краях обретаются. И в Борке, и в Тойме их дети есть. Крестьяне там неразговорчивы, да и дворов — всего ничего: на весь погост пять.

В сенях послышались детские голоса. Ребятишки, насидевшись за день, с удовольствием балагурили, покидая учительскую горницу. Хлопнула наружная дверь, и шум тут же стих. В избу вошла Пелагея.

— Всё, отпустила я ребят, отец Андриан, — проговорила она, подходя к проснувшемуся Фролке.

— Ты поешь еще, Вторко. Рыбника отведай. Рыба у нас в Сухоне добрая водится. А я пока гостинец вскрыю, что с собою принес. Человек старался, отправлял, негоже в долгий ящик откладывать.

— Спаси Бог за заботу, батюшка. А дела свои ты правь. Мне торопиться некуда: к прошлой жизни дороги нет, а пред Богом еще успею предстать.

Андриан взял принесенный узел и развернул его. Внутри кожаной обертки оказался свернутый в трубку лист бумаги. Он приблизил свиток к свету:

«В сеперь 15 лета 7160. Отец Андриан, спешу сообщить, что просьбу вашу получил. Однако долгое время хворал и не мог ею заняться. Обязательно поищу нужные сведения в церковном амбаре, где хранятся писчие книги и иные грамоты. К письму прилагаю выпись из одной найденной мною летописи. Грамота та слишком ветхая, потому переложил её заново:

«В лето 7027 с погоста Качим безвестно сошел Мокейка Лапич Пронькин сын со всем семейством, а через лето разошлись кто куда все Оськичи и Чичуи. Деревни стали пусты». Переписал настоятель Нижнетоемской церкви отец Сергей».

Дочитав, Андриан отложил свиток и задумался.

— Дай Бог, чтобы добрые вести получил, отец Андриан, — напомнил о себе гость.

— Добрые, Вторко, добрые. Не знаю, как отнесешься к тому, что молвлю.

— Любому слову твоему, батюшка, буду рад.

— Послушал я тебя и мыслю, что в Устюге родня твоя обретается. Завтра поговорю с Савватием-личником. Он счастлив будет обрести сородича в твоём лице, если так сбудется. У меня сын его, Авдей, учится. Он сказывал, что тоже из Оськичей родом, и Григория из Борка поминал. Не зря тебе настоятель говорил о спокойствии души. Может, и обретет она здесь приют. Тебя завтра на рассвете где сыскать можно?

— На Торгу будем с товарищами. А пополудни, коли надобности во мне не будет, уйдем по Тотемскому тракту.

Они еще какое-то время беседовали, но более ничего, что заняло бы Андриана, сказано не было. По завершении разговора священник проводил старика до ближайшей богадельни, а сам отправился в храм на вечернюю службу. Домой воротился поздно, когда в небе повсюду властвовала полная луна. Андриан было взялся за кресало, но передумал зажигать огонь и стал разоблокаваться в темноте.

— В печи угли жаркие есть. Недавно нажгла, коли огонь нужен. И поешь чего-нибудь, — подала голос Пелагея. — Фролка капризничал долго. Вот угомонился, и я прилегла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.